создано с
росмолодёжь
гранты

УРАЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Нюрнберг, Токио, Хабаровск: мировые практики по осуждению нацизма, экстремизма и разжигания межнациональной розни

Материалы Международного форума

(Екатеринбург, 26–28 октября 2022 г.)

Федеральное агентство по делам молодежи
Правительство Свердловской области
Уральский государственный экономический университет

Нюрнберг, Токио, Хабаровск: мировые практики по осуждению нацизма, экстремизма и разжигания межнациональной розни

Материалы Международного форума

(Екатеринбург, 26–28 октября 2022 г.)

Екатеринбург
2022

УДК 327
ББК 66.4(0)3
Н97

Ответственные за выпуск:

доктор экономических наук, профессор,
ректор Уральского государственного экономического университета *Я. П. Силин*;

кандидат филологических наук, доцент,
проректор по социальной работе и молодежной политике
Уральского государственного экономического университета *Р. В. Краснов*

Редакционная коллегия:

Начальник управления по социальной работе Уральского государственного экономического университета *Н. В. Васильев*;

Руководитель клуба ЮНЕСКО «Рубежи»,
старший преподаватель Гуманитарного университета *Д. Н. Васьков;*

Специалист управления по социальной работе Уральского государственного экономического университета *П. К. Журавлева*

Н97 **Нюрнберг, Токио, Хабаровск: мировые практики по осуждению нацизма, экстремизма и разжигания межнациональной розни** : материалы Международного форума (Екатеринбург, 26–28 октября 2022 г.) / ответственные за выпуск: Я. П. Силин, Р. В. Краснов ; Федеральное агентство по делам молодежи, Правительство Свердловской области, Уральский государственный экономический университет. – Екатеринбург : УрГЭУ, 2022. – 108 с.

В сборнике представлены материалы, раскрывающие основные события международных военных трибуналов и норм международного права, осуждающих проявление национализма и экстремизма.

В издание включены приветственные слова участников форума, доклады пленарного заседания, тексты докладов экспертов. Все материалы объединены проблематикой, тесно переплетены и позволяют проследить влияние Нюрнбергского, Токийского и Хабаровского трибуналов на современное международное право.

Для студентов, участвующих в научно-исследовательской работе, магистрантов и аспирантов, а также для широкой молодежной аудитории, интересующейся вопросами истории и международного права.

УДК 327
ББК 66.4(0)3

© Авторы, указанные в содержании, 2022
© Уральский государственный
экономический университет, 2022

Пленарное заседание

Я. П. Силин
Ректор Уральского государственного экономического университета,
доктор экономических наук, профессор

Приветственное слово участникам Форума

Добрый день, уважаемые коллеги, уважаемые друзья, участники нашего форума!

От имени Уральского государственного экономического университета, моих коллег, руководителей вузов Свердловской области, Уральского федерального округа, представителей органов власти Свердловской области, органов местного самоуправления, научного сообщества Урала приветствую вас и благодарю за участие в форуме.

Форум имеет принципиальное значение, ибо в основу его положена проблема, которая вновь вышла на мировой уровень, требует нового осмысления, возвращения к тем истокам, которые были заложены Нюрнбергским, Токийским, Хабаровским трибуналами.

Ситуация, которая сегодня сложилась в мире, вынуждает нас сказать вновь: надо рассмотреть материалы того трибунала, надо, чтобы наше общество и мировое сообщество знало его результаты, знало гносеологические корни и представляло того явление, что сегодня вышло с помощью так называемого «просвещенного Запада» на мировую арену в попытке изменить мир и вернуть его к тому прошлому, которое не приемлимо для нас. Фашизм не должен становиться идеологией мира. Война не должна быть способом решения проблем государств с народами.

Я бы хотел сказать несколько слова сказать о том большом мероприятии, которое проводится сегодня и завтра. Вчера уже было начато большим круглым столом, посвященным трагедии плена, рассмотрением многих вопросов, которые будут еще затронуты сегодня в ходе докладов, сейчас и после обеда, и завтра в пленарных сессиях по конкретной тематике.

Сразу после окончания Второй мировой войны, было крайне необходимо всенародно признать нацистский режим и его главных лидеров виновными в развязывании агрессивной войны практически против всего человечества, принесшей ему чудовищное горе и невыразимые страдания. Суд над ними был судом над режимом в целом, над целой эпохой, над всей страной. Состоялся он 20 ноября 1945 г.

Все преступления, совершенные нацистами во время войны, были разделены в соответствии с Уставом Международного военного трибунала на преступления:

- против мира (планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров);

- военные преступления (нарушения законов или обычаев войны: убийства, истязания или увод в рабство гражданского населения; убийства или истязания военнопленных; ограбление государственной, общественной или частной собственности; разрушение или разграбление культурных ценностей; бессмысленное разрушение городов или деревень);

- преступления против человечности (уничтожение славянских и других народов; создание тайных пунктов для уничтожения мирных людей; умерщвление психически больных).

Многочисленные преступления нацистов и их пособников, выявленные и обнародованные в ходе Нюрнбергского процесса, воистину поражают воображение. Все, что только можно было изобрести запредельно жестокого, антигуманного и античеловеческого, было включено в арсенал фашистов. Здесь следует назвать и варварские методы ведения войны, и жестокое обращение с военнопленными, грубо нарушающие все ранее принятые в этих сферах международные конвенции.

Мировая печать, комментируя Обвинительное заключение, отмечала, что этот документ составлен от имени «оскорбленной совести человечества», что это не «акт мести, а торжество справедливости», перед судом предстанут не только главари нацистской Германии, но и вся система фашизма. Это был в высшей степени справедливый суд народов мира.

Вслед за самым крупным и длительным в истории международным процессом в Нюрнберге в городе вплоть по 1949 г. состоялись еще 12 судебных процессов, на которых были рассмотрены преступления более чем 180 нацистских руководителей. Большинство из них также понесли заслуженное наказание. Военные трибуналы, проходившие после окончания Второй мировой войны в Европе, а также и в других городах и странах, осудили в общей сложности более 30 тыс. нацистских преступников.

Важно подчеркнуть, что целью международного процесса в Нюрнберге было осуждение нацистских лидеров – главных идейных вдохновителей и руководителей неоправданно жестоких акций и кровавых бесчинств, а не всего германского народа. В связи с этим представитель Великобритании на суде заявил в своей заключительной речи: «Я снова повторяю, что мы не стремимся обвинить народ Германии. Наша цель – защитить его и дать ему возможность реабилитировать себя и завоевать уважение и дружбу всего мира. Но как может быть это сделано, если мы оставим в его среде безнаказанными и неосужденными эти элементы нацизма, которые в основном ответственны за тиранию и преступления и которые, как может поверить трибунал, не могут быть обращены на путь свободы и справедливости?». Что касается военных лидеров, по мнению некоторых, всего-навсего выполнявших свой воинский долг, беспрекословно следуя приказам политического руководства Германии, то здесь необходимо подчеркнуть, что трибунал осудил не просто «дисциплинированных вояк», а людей, которые считали «войну формой существования» и которые так и не извлекли «уроков из опыта поражения в одной из них».

Сегодня, спустя 77 лет со дня начала Нюрнбергского процесса, отчетливо видно, какую огромную роль он сыграл в историческом, юридическом и общественно-политическом планах. Нюрнбергский процесс стал историческим событием, прежде всего, как торжество Закона перед нацистским беззаконием. Он разоблачил человеконенавистническую сущность германского нацизма, его планы уничтожения целых государств и народов, его запредельную бесчеловечность и жестокость, абсолютную аморальность, истинные размеры и глубины злодеяний нацистских палачей и крайнюю опасность нацизма и фашизма для всего человечества. Моральному осуждению была подвергнута вся тоталитарная система нацизма в целом. Тем самым была создана морально-нравственная преграда для возрождения нацизма в будущем или, по крайней мере, для его всеобщего осуждения.

Важно твердо знать и помнить, что решений Нюрнбергского трибунала никто не отменял! Помимо того, что в Нюрнберге агрессия была признана преступлением против мира (впервые в истории!), также впервые к уголовной ответственности были привлечены официальные лица, ответственные за планирование, подготовку и развязывание агрессивных войн. Впервые было признано, что положение главы государства,

ведомства или армии, а также исполнение распоряжений правительства или преступного приказа не освобождают от уголовной ответственности. Нюрнбергские решения привели к созданию в международном праве специальной отрасли – международного уголовного права.

Вслед за Нюрнбергским процессом был проведен Токийский процесс – судебный процесс над главными японскими военными преступниками, происходивший в Токио с 3 мая 1946 г. по 12 ноября 1948 г. в Международном военном трибунале для Дальнего Востока. Требование суда над японскими военными преступниками было сформулировано в Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г. В Акте о капитуляции Японии от 2 сентября 1945 г. было дано обязательство «честно выполнять условия Потсдамской декларации», включая наказание военных преступников.

Нюрнбергские принципы, одобренные Генеральной Ассамблеей ООН (резолюции от 11 декабря 1946 г. и 27 ноября 1947 г.), стали общепризнанными нормами международного права. Они служат основанием для отказа выполнять преступный приказ и предупреждают об ответственности тех руководителей государств, которые готовы совершить преступления против мира и человечности. В дальнейшем к преступлениям против человечности были отнесены геноцид, расизм и расовая дискриминация, апартеид, применение ядерного оружия, колониализм. Принципы и нормы, сформулированные Нюрнбергским процессом, легли в основу всех послевоенных международно-правовых документов, направленных на предотвращение агрессии, военных преступлений и преступлений против человечности (например, Конвенция 1948 г. «О предупреждении преступлений геноцида и наказании за него», Женевская конвенция 1949 г. «О защите жертв войны», Конвенция 1968 г. «О неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества», Римский статут 1998 г. «О создании Международного уголовного суда»).

Нюрнбергский процесс создал правовой прецедент для учреждения подобных международных трибуналов. В 1990-е годы Нюрнбергский военный трибунал стал прообразом для создания Международного трибунала для Руанды и Международного трибунала для Югославии, учрежденных Советом Безопасности ООН.

В 2002 г. по просьбе президента Сьерра-Леоне Ахмеда Кабба, обратившегося к Генеральному секретарю ООН, под эгидой этой автори-

тетной организации был создан Специальный суд по Сьерра-Леоне. Он должен был провести международное судебное разбирательство над лицами, ответственными за совершение наиболее серьезных преступлений (главным образом, военных и против человечности) в ходе внутреннего вооруженного конфликта в Сьерра-Леоне.

Очевидна и политическая значимость Нюрнбергского процесса. Он положил начало процессу демилитаризации и денацификации Германии, т.е. воплощению в жизнь важнейших решений, принятых в 1945 г. на Ялтинской (Крымской) и Потсдамской конференциях. Как известно, для искоренения фашизма, разрушения нацистской системы государственности, ликвидации германских вооруженных сил и военной промышленности Берлин и территория страны были разделены на зоны оккупации, административную власть в которых осуществляли победившие государства.

Оценивая послевоенную общественно-политическую значимость Нюрнберга, подчеркнем, что никогда до этого судебный процесс еще не объединял все прогрессивные силы мира, стремившиеся раз и навсегда осудить не только конкретных военных преступников, но и саму идею добиваться внешнеполитических и экономических целей с помощью агрессии против других стран и народов.

И сегодня необходимо провести международный трибунал против украинских фашистов. Необходимо создать специальный суд под эгидой ООН. Провести расследование всех преступлений (главным образом, военных и против человечности в ходе внутреннего вооруженного конфликта на Украине.

Украинские фашисты грубо нарушили все ранее принятые международные конвенции, попрали все нормы международного права, в том числе решения Нюрнбергского процесса и заслуживают самого решительного осуждения, и самого сурового наказания за реабилитацию фашизма в 21 веке.

В. В. Якушев
Полномочный представитель Президента Российской Федерации
в Уральском федеральном округе

Приветственное слово участникам Форума

Дорогие друзья, уважаемые коллеги! 77 лет назад при решающей роли нашей страны были разгромлены германский нацизм и японский милитаризм. Это Победа навсегда изменила отношение человечества к войнам и их виновникам. На процессах в Нюрнберге, в Токио, в Хабаровске преступной была признана не только военная агрессия, но и оправдывающая ее идеология расового и национального превосходства об этом важно помнить сейчас, когда Россия и мир вновь сталкиваются с нацисткой угрозой.

Уверен ваш форум поможет привлечь внимание к урокам истории, сплотить общество и поддержать наших воинов, защищающих страну и Великую Победу, добытую кровью наших дедов и отцов.

Желаю вам успешной плодотворной работы, твердой принципиальной гражданской позиции.

М. В. Захарова
Директор департамента информации и печати Министерства иностранных дел Российской Федерации

Приветственное слово участникам Форума

Уважаемые участники пленарных и панельных дискуссий форума, приветствую вас от лица Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Хочу сказать, что дискуссии, подобные вашей, позволяют через призму современности проанализировать важнейшие международные трибуналы середины прошлого века как в правовой, так и в политической плоскости. Такие встречи крайне необходимы сегодня.

Мы живем во время, когда экстремизм, разжигание межнациональной, межконфессиональной ненависти, розни, вплоть до неприкрытого нацизма, к сожалению, вновь стали серьезной угрозой установившемуся по итогам Второй мировой войны международному миропорядку.

Как юристы, вы знаете, что Нюрнбергский трибунал, а также Токийский, Хабаровский процессы сформировали процессуальную и практическую основу международного правосудия, направленного на обеспечение верховенство закона.

Осуждение военных преступлений стало «sine qua non» (лат. - необходимое условие) необходимым условием с точки зрения концептуального понимания международного права в условиях войны.

Или, выражаясь более поэтично, именно юристы Нюрнберга навсегда прокляли и осудили бесчеловечные порядки «коричневой чумы». Затем последовали Токийский и Хабаровский трибуналы, которые осудили преступления японского милитаризма.

Принципы, закрепленные в уставе трибунала, вскоре были подтверждены решениями Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций как общепризнанные принципы международного права.

Когда был вынесен обвинительный приговор главным военным преступникам, международный трибунал признал нацистскую агрессию тягчайшим преступлением международного характера.

Сейчас в 2022 г. мир живет в извращенной логике постправды, что позволило неонацизму вновь поднять голову.

Печально и горько осознавать, что это произошло не без помощи тех, кто 75 лет назад авторитетно и аргументировано доказывал дьявольскую суть фашизма и нацизма.

На примерах рассказывал о преступлениях против человечности, к которым немцев привел национал-социализм, а японцев – милитаристский империализм.

Сейчас ряд бывших обвинителей вместе с обвиненными в едином порыве поддерживают тех, кто открыто заявляет о попытках в определенных частях света восстановить нацизм.

Кстати, не где-то в других частях света, а в центре Европы, на территории более других пострадавшей от национал-социализма в ходе Великой Отечественной войны, а вы прекрасно понимаете, наша страна допустить этого не может.

Мы последовательно и настоятельно говорим об этом на всех мировых площадках и, конечно, обращаемся к наследию Нюрнберга, наследию Токио и Хабаровска.

Слышат нас не всегда, потому что не хотят слышать. Но это не умаляет значение этих исторических вех, поистине краеугольных камней того общечеловеческого исторического процесса, что в философской литературе принято называть судом истории.

Надеюсь и верю, что ваш форум позволит творчески, через сегодняшний день оценить итоги и ход послевоенных трибуналов.

С большим интересом мы ознакомимся с итоговыми наработками, которые появятся в ходе ваших дискуссий.

Желаю участникам форума плодотворных обсуждений, всего самого доброго, терпения, удачи. Спасибо.

С. В. Степашин
Председатель Ассоциации юристов России

Приветственное слово участникам Форума

Дорогие друзья! Приветствую участников, организаторов Международного форума «Нюрнберг, Токио, Хабаровск: мировые практики по осуждению нацизма, экстремизма и разжигания межнациональной розни».

В Екатеринбурге сегодня собрались неравнодушные молодые люди из разных регионов России и иностранных государств, эксперты в области международного права, историки, общественные деятели и представители власти, чтобы вновь заявить о том, что принципы, сформулированные Нюрнбергским трибуналом, и в наши дни очень актуальны. Уроки Нюрнбергского процесса имеют большое значение и не должны предаваться забвению. Их соблюдение является важным условием для предупреждения агрессии, недопущения нарушения прав человека. Можно смело сказать, что эпоха прав человека началась с Нюрнбергского процесса. Несмотря на то, что в XX веке было принято много международных документов, Военный трибунал в Нюрнберге был самым важным событием в деле защиты прав человека.

Рассчитываю, что мероприятия Форума пройдут в конструктивном ключе, позволят выработать практические рекомендации по сохранению исторической памяти и воспитанию молодого поколения в духе мира.

Желаю вам плодотворной работы и всего самого доброго!

Г. Э. Орджоникидзе
Ответственный секретарь Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, Советник Министра иностранных дел Российской Федерации

Приветственное слово участникам Форума

Уважаемые коллеги, Дорогие друзья! От имени Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО приветствую участников Международного форума «Нюрнберг, Токио, Хабаровск: мировые практики по осуждению нацизма, экстремизма и разжигания межнациональной розни».

Нюрнбергский процесс вошел в историю как выдающийся пример совместных усилий цивилизованных государств по закреплению победы сил мира и прогресса над человеконенавистнической идеологией и практикой нацизма. Эти итоги сохраняют свою актуальность и в наши дни. Они продолжают служить одним из ориентиров в работе формирования объединительной повестки дня в международных делах с целью обеспечения равной и неделимой безопасности и эффективного противодействия общим вызовам.

Устав ЮНЕСКО гласит: «Мысли о войне возникают в умах людей, поэтому в сознании людей следует укоренять идею защиты мира». ЮНЕСКО, ведущая гуманитарная организация системы ООН, стремится к установлению мира посредством международного сотрудничества в области науки, культуры, образования и спорта. Это видение мира родилось после окончания Второй мировой войны и сегодня, спустя более 70 лет, остается как никогда актуальным в мире, где культурное разнообразие подвергается нападениям и страдает от новых форм нетерпимости и ксенофобии.

Сегодня в Екатеринбурге собрались неравнодушные молодые люди, эксперты, историки и правоведы, общественные деятели и представители органов власти, движимые целью сохранения исторической памяти во имя мира.

Искренне желаю участникам форума содержательной, интересной работы, плодотворного личного общения, являющегося залогом успешных обсуждений в выработке совместных решений и рекомендаций.

От всей души желаю участникам и организаторам форума плодотворной работы, успехов и всего самого доброго.

А. К. Никонов
Директор Федерального государственного бюджетного учреждения культуры и искусства «Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации» Министерства обороны Российской Федерации

Приветственное слово участникам Форума

Уважаемые коллеги! От имени Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации приветствую участников международного форума и отмечаю исключительную актуальность темы, которая собрала вместе экспертов, историков правоведов, общественных деятелей и представителей органов власти, а также молодых людей – патриотов Отечества.

Желаю участникам и организаторам форума плодотворной и содержательной работы, конструктивных решений во имя сохранения исторической памяти на благо мирной и созидательной жизни наших современников и потомков.

Е. В. Чечунова
Председатель комитета Законодательного собрания Свердловской области по молодежной политики, развитию физической культуры, спорта и туризма

Приветственное слово участникам Форума

Добрый день, уважаемые участники международного форума, уважаемые коллеги!

По поручению председателя Законодательного собрания Свердловской области Людмилы Валентиновны Бабушкиной и от имени депутатов Законодательного собрания Свердловской области разрешите приветствовать вас на международном форуме «Нюрнберг, Токио, Хабаровск: мировые практики по осуждению нацизма, экстремизма и разжигания межнациональной розни»

В настоящий момент мы все с вами столкнулись с новыми вызовами, стоящими перед нашей страной, со сложной геополитической обстановкой, распространением неонацизма. Наша страна с этим злом лицом к лицу. Беспрецедентные внешние санкции заставляют обращать нас особое внимание на вопросы профилактики экстремистских проявлений, противодействию террористическим угрозам, выстраиванию гармоничного развития межнациональных и межконфессиональных отношений. Актуальная тематика, которая затрагивается участниками форума, посвящена важнейшим мировым событиям середины прошлого столетия, влиянию на историю и развитие международного уголовного права, судоустройства и судопроизводство Нюрнбергского, Токийского и Хабаровского трибунала, где по итогам Второй мировой войны были осуждены военные преступники. Важно отметить, что в экспертных сессиях форума работают ведущие специалисты в заявленной проблематике, ученые, представители органов власти разного уровня, общественные деятели и открыта уникальная выставка, которую мы только что имели возможность посмотреть. Особенно хочу подчеркнуть необходимость и важность участия в открытых дискуссиях нашей молодежи. Профилактикой противодействия экстремизму и терроризму в молодежной среде – одна из важнейших государственных задач на сегодняшний день. Работа международных дискуссионных площадок, историческая реконструкция событий, специальные сессии с участием представителей международных организаций, в том

числе системы Организации Объединенных Наций, все это – важнейшие шаги по глубокой проработке заявленных вопросов, тиражирования выработанного опыта на широкую аудиторию и обмену мнениями. Преодоление стереотипов о экстремизме, терроризме и радикализации, вопросы объективности при изучении и преподавании Великой Отечественной войны в образовательных учреждениях, профилактика вовлечения молодежи в деструктивную деятельность – это ключевые темы международного форума.

Уверена, что в рамках мероприятия прозвучит много интересных идей и выбор Уральского государственного экономического университета, конечно, не случаен. Эта площадка проведения подчеркивает необходимость обратить особое внимание на профилактику деструктивных остановок в студенческой среде. Данная тема требует социально-правового регулирования, системной профилактической, воспитательной работы, определения приоритетных направлений.

Уважаемые коллеги, совместными усилиями мы сможем преодолеть все вызовы и поставить новые задачи, реализовать фундаментальные исследовательские практические проекты. Желаю всем участникам форума насыщенной работы, интересных предложений и, конечно, новых открытий, новых коммуникаций, новых знакомств и главное весь мир должен знать, что Россия, что россияне, что наша молодежь знают и помнят уроки истории и всегда готовы извлечь из этого вывод. Спасибо!

А. В. Торкунов
Председатель Ассоциации содействия
Организации Объединенных Наций,
Ректор МГИМО МИД России

Приветственное слово участникам Форума

Дорогие друзья! От имени МГИМО МИД России, Российской ассоциации содействия ООН и от себя лично приветствую участников и организаторов Международного форума «Нюрнберг, Токио, Хабаровск: мировые практики по осуждению нацизма, экстремизма и разжигания межнациональной розни».

Нюрнбергский процесс берет начало из истории Второй мировой войны. В ноябре 1943 года представители союзных государств: СССР, Великобритании и США подписали протокол, в котором оговаривалась ответственность гитлеровцев за совершенные преступления, классифицируемые на основе Устава Международного военного трибунала в Нюрнберге как преступления против мира, военные преступления, преступления против человечества. В это же время начался процесс по созданию Организации Объединенных Наций. Основные значения Нюрнбергского процесса легли также и в основу международных документов в области права, в том числе Международного билля о правах человека, первым актом которого стала Всеобщая декларация прав человека.

В дни Международного форума в Екатеринбурге собрались ведущие эксперты, историки, правоведы, которых объединяет миссия сохранения исторической правды и справедливости во имя устойчивого развития и мира.

Уверен, что форум пройдет в конструктивном ключе, позволит выработать практические рекомендации в интересах обеспечения мирного, стабильного развития.

Желаю вам плодотворной работы и всего самого доброго!

Е. А. Примаков
Руководитель Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество)

Приветственное слово участникам Форума

Уважаемые коллеги, дорогие друзья, рад приветствовать участников международного форума «Нюрнберг, Токио, Хабаровск: мировые практики по осуждению нацизма, экстремизма и разжигания межнациональной розни» организованным Правительством Свердловской области совместно с Уральским государственным экономическим университетом.

С удовольствием отмечаем, как никогда актуальный характер тем, вынесенных на обсуждение участникам форума. Они привлекают внимание все большего числа людей, заинтересованных в том, чтобы такая трагедия как Мировая война никогда не повторилась. Залог этого – сохранение памяти о событиях тех лет, подвиге победителей.

Однако, сегодня мы наблюдаем попытки признать роль нашей страны в обеспечении разгрома фашистской Германии и милитаристской Японии, создании по итогам Второй мировой войны международно-правовой системы, в которой центральную координирующую роль играет Организация Объединенных Наций.

Уверен, что встречи молодых ученых, историков, правоведов, педагогов, общественных деятелей в Екатеринбурге внесет свой вклад в утверждение правды о Второй мировой войне, будет способствовать укреплению дружбы и взаимопонимания между народами.

Желаю вам плодотворной работы и всего самого доброго!

В. В. Козлов
Заместитель Губернатора Свердловской области

Приветственное слово участникам Форума

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

От имени Губернатора Свердловской области Евгения Владимировича Куйвашева сердечно приветствую организаторов и участников Международного форума «Нюрнберг, Токио, Хабаровск: мировые практики по осуждению нацизма, экстремизма и разжигания межнациональной розни»!

Форум – важная историко-патриотическая площадка практического взаимодействия молодежи и представителей официальных, деловых, научных и экспертных кругов. Сегодня мы все являемся участниками процесса сохранения истории об освободительной борьбе с нацизмом. Мы должны знать и беречь правду о самой страшной войне в истории человечества и пресекать любые попытки ее искажения или фальсификации.

В связи с этим особую значимость приобретает объективная работа ученых, экспертов, преподавателей, которые, опираясь на реальные факты, по крупицам собирают свидетельства о событиях Второй мировой войны. Хочу передать особые слова благодарности гостям Форума из иностранных государств и регионов России за личное участие.

Хочу также поблагодарить руководство Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации и Министерства обороны за организацию выставки работ Николая Жукова, созданных им во время Нюрнбергского трибунала. Мы рады нашему сотрудничеству в деле сохранения исторической правды и надеемся на его продолжение.

Приглашаю всех присутствующих посетить эту уникальную выставку, а также экспозицию исторических документов по материалам Управления архивами Свердловской области, посвященную Нюрнбергскому, Токийскому и Хабаровскому процессам.

Отдельно хочу подчеркнуть роль молодежи. Свердловская область всегда была и остается притягательной для талантливой и целеустремленной молодежи. Регион широко известен как территория с высоким уровнем развития образования, науки и инноваций в России. Международное признание получили фундаментальные исследования ураль-

ских ученых. По количеству выданных патентов на изобретения Свердловская область входит в пятерку российских лидеров.

Долгое время Свердловская область была закрытой для мира территорией. Сегодня мы успешно сотрудничаем с партнерами из более чем 160 стран мира и сетью международных организаций, в том числе и системой ООН.

Считаю закономерным, что международный форум проходит в стенах Уральского государственного экономического университета. УрГЭУ – один из ведущих экономических вузов России. Это мощный, современный, динамично развивающийся научный и образовательный центр, в котором готовят экономическую элиту Свердловской области и России, знаменитый среди авторитетнейших университетов стран Центральной Азии.

Уважаемые дамы и господа!

Позвольте поблагодарить вас за то, что несмотря на высокую занятость, вы нашли возможность посетить Свердловскую область и поделиться своими знаниями, опытом и идеями по невероятно важной теме.

Желаю вам крепкого уральского здоровья, успехов и всего самого доброго!

Е. Л. Никонов

Заместитель Председателя Правительства Хабаровского края
по социальным вопросам

Добрый день, уважаемые коллеги, участники форума. Приветствую вас из города Хабаровска, города, где в декабре 1949 года состоялся военный трибунал над разработчиками бактериологического и химического оружия и где был вынесен справедливый приговор виновникам бесчеловечных преступлений Квантунской армии.

Напомню, именно на Дальнем Востоке в сентябре 1945 года была поставлена точка в самой масштабной войне мира. В ней участвовало восемьдесят процентов населения всего земного шара. Погибло более семидесяти миллионов человек, из которых большинство мирные жители. Благодаря сокрушительной наступательной операции Красной армии была одержана победа над милитаристской Японией.

Если бы не молниеносность и масштабность наступления именно наших войск, то еще неизвестно, каким бы сложился итог Второй мировой войны.

История не знает сослагательных наклонений и именно мы не дали никакого шанса японцам реализовать свои страшные планы по использованию бактериологического и химического оружия на территории Маньчжурии, Кореи, Советского Союза, от Амура до Урала. Масштабность их коварных планов можно показать на одном примере из тысячи. Производственные возможности одного отряда номер 731 выражались более чем 5 миллион чумных единиц на каждого жителя планеты.

Хабаровский трибунал – это наш дальневосточный Нюрнберг. Перед судом предстали 12 японских военнослужащих, принимавших непосредственное участие в деятельности специальных отрядов 731 и 100. Люди для них были просто подопытными бревнами без имен и фамилий. Следствие полностью доказало вину обвиняемых. Они были приговорены к заключению на разные сроки до двадцати пяти лет.

Но не все разработчики фабрик смерти милитаристской Японии оказались на скамье подсудимых. Спустя десятки лет начались попытки переписать итоги Второй мировой войны.

Поднял голову неофашизм и милитаризм, поэтому мы не в праве предавать забвению прошлое.

В 2021 году по инициативе Михаила Владимировича Дегтярева, губернатора Хабаровского края, в Хабаровске состоялся Международный форум «Хабаровский процесс: исторические значения и современные вызовы». Этот форум был нацелен на сохранение исторической правды о победе Красной Армии по Второй мировой войне.

Впервые вниманию широкой общественности были представлены архивные документы, в том числе фрагменты аудиозаписей из зала судебного заседания Хабаровского процесса. На весь мир стало известно имя русского солдата Демченко в отряде смертников.

Я уверен, что шансов для повторения нацизма, милитаризма нет. Эту уверенность мне придает сам факт проведение сегодняшнего форума, ведь его организаторы, прежде всего молодежь.

Россия никогда не будет жить по чужим сценариям.

Победа всегда будет за нами!

От имени правительства Хабаровского края, от себя лично, я желаю всем участникам форума плодотворной работы и новых побед в вашей деятельности. Будьте здоровы.

Л. Л. Ежов
Советник руководителя Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество)

В год празднования 75-летия Победы в Россотрудничестве проводился ряд интересных проектов, которые состоялись во многих странах, в том числе, в европейской части мира.

В настоящее время мы готовим ряд актуальных мероприятий, посвященных 80-летию великой Сталинградской победы, освобождению ряда территорий Российской Федерации. Кроме того, особое внимание уделяется нашим европейским партнерам, которые вместе с нами воевали. В ближайшее время, например, отмечается 80 лет легендарному авиаполку «Нормандия – Неман».

Федеральное агентство совместно с общественной организацией Европы и нашими регионами выпустило большой проект, итогом которого стало то, что президентам двух стран будут вручены копии памятников, которые хотелось бы установить в ряде наших стран и естественно напомнить о самом главном – о том, что мы вместе с европейскими партнерами, борясь с фашизмом, добивались общей цели, общей Победы.

Именно Советский Союз на тот момент позволил многим европейским государствам стать свободными, но все об этом забывают. И та историческая память, которая сейчас, к сожалению, искажается, действительно заслуживает, чтобы ей больше и больше уделяли внимания не только на территории СНГ, но и в европейских странах, где мы до сих пор представлены.

Еще раз от себя лично хочу пожелать удачной работы форума и побед, до новых встреч, спасибо.

В. В. Кузнецов
Директор Информационного центра
Организации Объединенных Наций в Москве

Дорогие участники форума!

Мне выпала большая честь выступать перед столь уважаемым собранием на значимом форуме, который посвящен, пожалуй, важнейшей проблеме, не только связанной с историей, но и современным развитием. Тематика Нюрнбергского процесса, посвящена тем решениям, которые были приняты, и урокам, которые из этого процесса вынесло человечество.

Юбилей Нюрнбергского процесса мы торжественно отмечали 2 года назад. Это было действительно важным событием и организация системы ООН, информационный центр принимал в этом активное участие. Для Организации Объединенных Наций решения Нюрнберга являются чрезвычайно значимыми. Международное сообщество и ООН чтят его решения, помнят ужасные последствия войны и анализируют причины, которые привели к ней.

Это был уникальный в истории международный суд, который юридически закрепил окончательный разгром нацизма. Прежде всего необходимо отметить, что он сыграл действительно исключительно важную роль в развитии международного права, современного международного права, становлении международного уголовного правосудия, по сути, довершив военное сокрушение нацистского рейха его правовым возмездием.

Впервые подготовка, планирование, развязывание, ведение агрессивной войны были квалифицированы как преступление против человечности. Была попытка дать правовое определение геноцида, хотя международное согласование этого термина все еще не закончено.

Важно отметить, что одним из решающих факторов сокрушение нацизма стало объединение здоровых сил в мире в борьбе с этим злом. Причем это было взаимодействие государств, относящихся к различным социально-экономическим системам и цивилизационным форматам. И понимание важности консолидации усилий государств заложило фундамент созданию Организации Объединенных Наций, которая до сих пор рассматривается как универсальный механизм предотвращения мировой войны и решения региональных и глобальных проблем.

Решения Нюрнбергского трибунала были закреплены в качестве основополагающих принципов международного права на первой же сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Эти принципы легли в основу послевоенных международных правовых документов, направленных на предотвращение развязывания войн, совершения военных преступлений, актов геноцида, пыток и других жестокостей, а также на неприменимость срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности.

Нюрнбергский судебный процесс, которому предшествовала активная дипломатическая работа, явился ярким примером конструктивного деидеологизированного взаимодействие стран Антигитлеровской коалиции, которые смогли преодолеть существовавшие перед ними разногласия во имя торжества справедливости и международной законности.

Одним из ключевых итогов Нюрнберга стало всеобщее осознание того, что те, кто держит в руках рычаги власти несут ответственность за свои действия. Компетентные юристы трибунала подтвердили правовую юрисдикцию суда и обоснованность обвинений в соответствии с действующим законодательством. Все процедуры были открытыми для общественности, в отношении обвиняемых применялась презумпция невиновности, им обеспечивалось гуманное обращение и гарантировались права, которые они сами, в дни триумфа нацисткой власти, никогда не предоставляли ни одному человеку.

Трибунал категорически подтвердил, что не может быть оправдания соучастия в военных преступлениях против мира и преступлениях против человечности.

Почему принципы, легшие когда-то в основание фундамента ООН, всемирной организации, и утвержденные на Нюрнбергском процессе продолжат сохранять свою актуальность? Потому что и сегодня во всем мире люди, миллионы людей, спасающиеся от войны, преследований и решений по-прежнему подвергаются дискриминации и нападению. Поэтому ООН призывает помнить прошлое и помогать тем, кто сейчас нуждается в нас.

24 октября этого года мы отметили 77-летний юбилей Организации Объединенных Наций. Разумеется эта дата неразрывно связана с теми уроками, которые были извлечены после Второй мировой войны и из

Нюрнбергского процесса. И сейчас большинство государств призваны предпринимать действия, чтобы не дать возродиться человеконенавистнической идеологии фашизма и нацизма.

Вместе с тем, приходиться признать – несмотря на то, что благодаря ООН удалось предотвратить Третью мировую войну, конфликтов, вражды, противостояний, ненависти на планете не убавилось. Мы все знаем, что сейчас в мире происходит, я не буду подробно на этом останавливаться. Появились новые острейшие вызовы – международный терроризм, наркопреступность, изменение климата, нелегальная миграция, и, что самое тревожное, продолжающийся растущий разрыв между богатыми и бедными, что в конечном итоге, по мнению ООН, является первопричиной многих вооруженных конфликтов и противостояний.

Разобщенность международного сообщества лишь нарастает. К сожалению, мы сталкиваемся с дефицитом понимания намерений друг друга и желания вести разговор, разговаривать на языке конструктивного сотрудничества. В тоже самое время мы возвращаемся к истокам Организации Объединенных Наций и пытаемся вспомнить, что основа деятельности ООН именно диалог, консультации, поиск компромиссов, которые как правило не устраивает никого на 100%, но позволяют двигаться вперед.

ООН неидеальна также, как неидеален наш мир. И разумеется всемирная организация, построенная в том числе на базе решений Нюрнбергского процесса, до сих пор отражает его противоречия, недостатки, она сама его часть.

Тоже касается ответов и на стоящие перед нами вызовы. Сегодня мы все взаимосвязаны как прежде. Развитие экономики, благополучие наших обществ, все то, на что мы полагаемся в повседневной жизни, зависит от наших совместных усилий.

Уважаемые коллеги, историческое значение международного военного трибунала трудно переоценить, на это треугольном камне строились дальнейшие судебные процессы в Нюрнберге, Токио, Хабаровске и других местах. И хотя государства не сумели договориться о проведении еще одного совместного международного процесса, каждая из стран могла предавать суду своих собственных пленников, основываясь на принципах международного права и согласованных положениях.

Трагические страницы истории, точку в которых поставил Нюрнбергский процесс, не должны повторяться. Следование принципам Нюрнберга сегодня означает бдительность и нетерпимость к попыткам нарушения международного мира, бережливое отношение и развивитие духа сотрудничества доброй воли.

В. В. Строев

Ректор Государственного университета управления

Я приветствую всех участников международного форума, но, как ректор, наверное я бы хотел в первую очередь обратиться к молодежи и студентам, которые находятся сейчас в зале.

Пока все мои коллеги выступали, я смотрел в зал - смотрел на те светлые одухотворенные лица ребят. Знаете у меня есть безусловно определенный текст, но я понимаю, что предыдущие ораторы сказали примерно тоже самое.

И потому мне хотелось бы, обращаясь к студенчеству, обратить внимание на название форума: Нюрнберг, Токио, Хабаровск. Вот какие ассоциации у вас возникают?

Допустим Нюрнберг – это Германия, военное время, нацизм, фашизм. Тогда Токио, Япония – пример ядерной угрозы, страна которая испытала на себе в реальности все ужасы ядерных бомбардировок. Хабаровск – это издевательство над людьми с целью создания различных видов биологического оружия.

В названии есть три слова. А теперь задумайтесь - чем эти три определения отличаются от сводки утренних новостей, которые были в 9 утра? Мне бы очень хотелось, чтобы мы не испытывали иллюзию, что много лет назад все прошло, забылось и ничего этого не существует.

Студентам, несмотря на то, что в молодости хочется всегда думать о чем-то хорошем. Но в данный момент важно понимать, что то, о чем сейчас рассказывают выступающие – это не о том, что произошло когда-то, а то, что происходит здесь и сейчас. Это только подтверждает супер актуальность мероприятия.

Этот опыт очень важен. Людям свойственно думать о том, что это все когда-то было и прошло. Что все уроки воспринимаются, все страны получили опыт и люди изменились.

Наверное не все из присутствующих сегодня здесь бывали в Нюрнберге. Я склонен думать, что там мало кто был из участников форума. Могу сказать, что побывать в Нюрнберге очень полезно - посмотреть на самом деле, как все это выглядит. Понять, что большинство людей не поддерживают и там эту идеологию.

На месте дома Гитлера в Мюнхене сейчас открыт музей. На этой экскурсии можно услышать разные точки зрения и много представлено

воспоминаний тех, кто жил в Германии во время войны и после неё. Я бы не сказал, что там можно услышать безумные суждения того, что происходило. Скорее наоборот - люди рассказывают, как они прекрасно существовали, пользовались рабским трудом тех, кого пригоняли в Германию в плен.

На меня это произвело сложное угнетающее впечатление. Как любой из нас я ожидал услышать осуждение, жуткий протест, но этого там совершенно нет. Они совершенно спокойно рассказывают, как после этого процесса всего 11 человек казнили. А ведь были тысячи, десятки тысяч людей, которые издевались и собственноручно расстреливали пленных. И многие из них, отсидевшись некоторое время, вернулись к работе, они занимали приличные должности и дожили до старости. На самом деле всё это пример того, что эти вещи нельзя прощать, потому что именно по этой самой же причине возникает та же ситуация сейчас.

Мне бы хотелось, чтобы молодежь осознала - все то, что сейчас происходит, повторение немного в извращенной форме того, о чем мы говорим и вспоминаем много лет. Чем дальше мы отъезжаем за Урал, за Сибирь, тем больше кажется, что это все происходит только в новостях. Но чем ближе к Западу, поверьте, в Белгороде ребятам точно так теперь не кажется. Они знают и уже слышат, как ежедневно это происходит. Очень важно, чтобы все это понимали, студенты и молодежь в первую очередь. Ведь эта зараза растекается, причем я бы сказал очень волнообразно. И похоже, что Россия в очередной раз, как когда-то Советский Союз, занимается лечением западного мира. Такая видимо наша роль и учесть в мировой истории. И в этот раз мне бы хотелось, чтобы мы в очередной раз ее выполнили, я уверен, что так и будет.

Очень важно, чтобы молодежь умела противостоять информационной войне. Могла вспоминать какие-то конкретные моменты из истории как, например, судебные процессы по осуждению нацизма и разжигания межнациональной розни и также понимать, что впереди неминуемо должны быть процессы над современной заразой.

С ней обязательно нужно расправиться иначе это будет концом самой жизни. В этом должны все участвовать, это ваше будущее и я уверен, что в этом университете ведется правильная работа, благодаря коллективу и ректору в первую очередь.

Естественно мы, Государственный университет управления, готовы это поддерживать.

Мы будем поднимать данную тематику в рамках нашего Евразийского сетевого университета. Мне кажется, что и всем сопредельным странам нужно этой темой интересоваться, потому что она точно всех касается, мы с нашими белорусскими братьями это обсуждаем регулярно.

Тот форум, который будет проходить в университете, затронет тему осуждения нацизма и разжигания межнациональной розни. Спасибо.

З. Ш. Сайидзода

Генеральный консул Республики Таджикистан в Екатеринбурге

Добрый день, дорогие друзья. Для меня большая честь и радость сегодня присутствовать на этом форуме. Тема действительно очень актуальная, в высшей степени актуальная тема. Подобные международные форумы по этой тематике проводятся только в России.

Я представитель страны СНГ – одной из постсоветских стран, в которой на данный момент не проводятся такие форумы, конференции и симпозиумы. Поэтому я очень рад, что в России проводятся международные форумы на подобную тему. Нюрнберг, а также Токио и Хабаровск – это новая постановка вопроса. Обычно говорят только о Нюрнбергском трибунале. Освежить воспоминания о Токийском, о Хабаровском процессах, о мировых практиках – очень правильная постановка вопроса.

Я благодарен руководству Уральского государственного экономического университета, за организацию такого международного форума. Это событие можно отнести не только к этому университету, но и к городу Екатеринбургу, Среднему Уралу. Считаю это надо отнести ко всей России. В Российской Федерации данная тема актуальна и важна. И не случайно, что опять Россия ставит этот вопрос. Выносятся правильные, справедливые, глубокие исторические уроки. Ибо Россия, по моему глубокому убеждению – это страна света, добра и справедливости. Свет против тьмы, добро против зла, справедливость против социального обмана, произвола и насилия. Здесь Василий Валерьевич правильно сказал, что необходимо развивать не только историческую науку на основе новых архивных материалов, разрабатывать научно-исторические проблемы, но и доносить до сознания молодежи их смысл.

Я закончил исторический факультет Таджикского государственного университета в 1983 году в Советский период, защитил диссертацию, доктор исторических наук, имею российский диплом. И не только как ученый, но и как человек, как гражданин, вижу смысл своей жизни в донесении исторической правды до молодого поколения.

Процесс Нюрнберг-Токио-Хабаровск – это основной элемент истории Второй мировой войны, это составной элемент истории Великой

Отечественной войны, составной элемент истории Великой России. Мы через каждые 5-10 лет отмечаем юбилеи Победы в Великой Отечественной войне 1941-45 годов. Мой дед Алин Джалилов покоится в братской могиле в Тесленском районе село Дедвино Ленинградской области. Но надо иметь ввиду, что во многих республиках уже нет понятия идеологической пропагандисткой практики. Уже нет понятия Великой Отечественной войны. Они говорят об участии страны во Второй мировой войне. И на это надо обратить внимание, думаю даже где-то обсудить, причем не только на высшем уровне, но и на уровне научной общественности. А правильно ли это? Советский период – это наша общая история.

Сегодня я не случайно с этого начал, что Россия – это страна добра, света и справедливости. Слава Богу, что есть такая страна на свете. Для Таджикистана это настоящий партнер, союзник и друг. Это огромное достояние, это наше счастье, что Россия рядом с нами. Сберечь и всесторонне укреплять это достояние – это наш важнейший жизненный и внешнеполитический императив, в том числе для меня, как генерального консула Республики Таджикистан. Только для России это – Великая Отечественная война, а для других это просто участие во Второй мировой войне со всеми вытекающими из этого последствиями: научными, духовными и нравственными. Спасибо за внимание.

Доклады экспертов

Д. Н. Дельмухамедова
Объединенный государственный архив Оренбургской области,
г. Оренбург

«Я был в немецком плену…»

(по документам фонда личного происхождения Г. М. Десяткова)

Аннотация. В последние годы в исторической науке все больше прослеживается тенденция к изучению исторических событий через историю отдельной личности. Одни события в этом плане представлены достаточно полно, другие – не очень. Тема советских военнопленных в историографии Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. долгое время оставалась малоизученной. В советский период об этих людях практически не писали, да и сами они старались скрыть факт пребывания в неволе. В 1990-е гг. ситуация поменялась и интерес исследователей к этой теме возрос.

Ключевые слова: архив; лагерь; подполье; антифашист; сопротивление; воспоминания.

В Объединенном государственном архиве Оренбургской области (ОГАОО) (до 1991 г. – партийный архив Оренбургского обкома КПСС, до 2017 г. – Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИОО), до 2021 г. – Оренбургский государственный архив социально-политической истории (ОГАСПИ), одним из первых, кто стал заниматься изучением темы советских военнопленных, стал Глеб Михайлович Десятков, краевед, кинооператор, основатель и руководитель комсомольско-молодежного клуба «Клад комиссара», в 1988–2006 гг. – инженер по микрофильмированию, начальник отдела страхового копирования, реставрации и переплета документов ЦДНИОО. Подвигло его на это передача в 1992 г. из архива УКГБ по Оренбургской области на хранение в ЦДНИОО 10907 фильтрационно-проверочных дел и 14441 немецких регистрационных карточек бывших военнопленных – уроженцев или призванных с территории Оренбургской области.

В 2005 г. увидела свет книга Глеба Михайловича «Герои секретных архивов 1941–1945 гг.», которая стала результатом многолетнего исследования краеведа и одной из первых раскрыла ранее засекреченную тему советских военнопленных. Героями издания стали оренбуржцы, чьи фильтрационно-проверочные дела находятся на хранении в

ОГАОО. Автор смог разыскать, встретиться со многими из них и получить разрешение на публикацию воспоминаний. Материалы, которые Глеб Михайлович собрал при подготовке издания, частично отложились в его личном фонде, созданном в ОГАОО 3 июня 2019 г. Документы Глеба Михайловича уже после его смерти передала в архив супруга Людмила Константиновна.

В фонде Десяткова сохранилась фотография Павла Андреевича Калачева, уроженца с. Богдановка Тоцкого района Оренбургской области, оказавшегося в немецком плену 06 августа 1941 г. Попав первоначально в лагерь военнопленных в Смоленской области, Павел Андреевич был перевезен на территорию Германии для работы на промышленных предприятиях. Последним местом пребывания стал лагерь в г. Вупперталь. Именно здесь в марте 1944 г. Павел Андреевич вступил в подпольную организацию «Буревестник интернационала» и стал руководителем ее Кроненбергского отделения. В задачу организации входили диверсионная деятельность, а также распространение листовок антифашистского содержания среди военнопленных и путем расклейки их на улицах сел и городов.

Павел Андреевич Калачев, руководитель Кроненбергской группы подпольной антифашистской организации «Буревестник интернационала», уроженец Оренбургской области. Январь 1945 г. [1]

На оборотной стороне фотографии написано: «На память лучшему другу в жизни А. Екатерине от П. Калачева. Помни нашу дружбу в тяжелейшие годы и на чужой стороне. Катя! Я думаю, что мы должны встретиться дома и продлить свою совместную жизнь. Январь 1945 г.» [2]. А на другой фотографии изображена уже сама Екатерина Тимофеевна Адаменко в окружении девушек – участниц Кроненбергской группы подпольной антифашистской организации «Буревестник интернационала» [3]. После войны Павел Андреевич и Екатерина Тимофеевна поженились, у них родилось семеро детей. Вот так, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Члены Кроненбергской группы подпольной антифашистской организации «Буревестник интернационала». На переднем плане, в центре – Екатерина Тимофеевна Адаменко. 1945 г.

Все те, чьи истории изложены в книге Г.М. Десяткова, – люди, обладающие огромной силой воли. И как писал другой герой «секретных архивов»: «Когда я попал в плен, дал себе слово – выжить во что бы то ни стало». Федор Александрович Черный родился в Черниговской

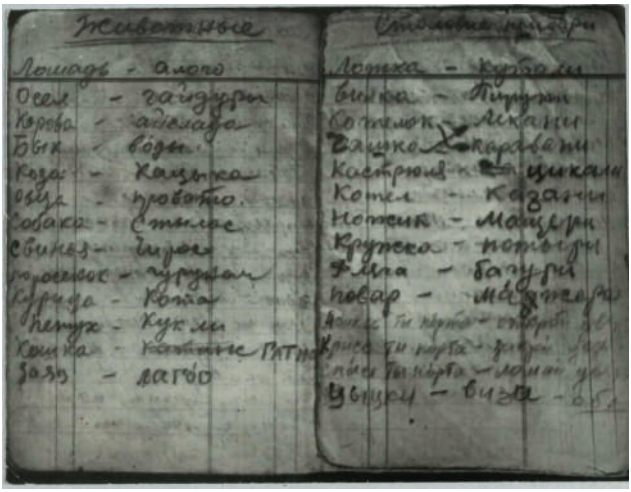
области Украинской ССР (сейчас Украины). Ушел добровольцем на фронт 13 сентября 1941 г. В начале 1942 г. Федор Александрович закончил полковую школу, и в составе 36 стрелковой дивизии был направлен в район г. Сталинграда (сейчас г. Волгоград). Здесь попал в окружение и 21 сентября 1942 г. был пленен. Сменив несколько лагерей, в апреле 1943 г. Федор Александрович оказался в лагере военнопленных на о. Крит Греческой Республики.

Федор Александрович Черный, проводник Челябинского пассажирского отделения Южно-Уральской железной дороги. 1940 г. [4]

Хотелось бы привести отрывок из воспоминаний Федора Александровича о пребывании на этом острове: «… Я стал изучать греческий язык. Сидя в лагере, я записывал в разговорник разные названия. Вдруг подошла лагерная охрана и, схватив мои бумажки, увела к коменданту лагеря. […] Он ростом 2 метра, плотный борец. Смотрю, надевает черные перчатки, закладывает руки за спину и подходит ко мне. Его глаза не на одном уровне: один выше, другой ниже. Мы его звали «боксер». Его трудно предугадать, с какой руки он нанесет удар. Как

только увидит кровь, больше не бьет. Меня он ударил левой. Я свалился, потекла кровь, три зуба нижней челюсти оказались на боку. Я ему сказал с большим трудом: «Данкешен. Я не забуду». А он, оказывается, хотя и плохо, на русском ломанном языке говорил. И тут же приказал посадить меня в бункер на семь суток. Меня закрыли и на двери написали время заключения и когда должны освободить. Бункер бетонный, размером 1 метр ширина и 2 метра с половиной длина, высота 2,5 метра и вверху круглое отверстие, в которое может пройти только куриное яйцо. На полу налита вода слоем 10 см. Полная темнота. Сесть не на что. В воду не ляжешь. Никакого питания. Лицо мое распухло, зубы выпали. Без сна, стоя в воде, я опять себе сказал: «Я должен выжить и на этот раз». Через сутки пришлось поочередно оттирать ноги, стоя на одной. Через 4 дня меня еще сон начал одолевать. Падал в воду, сбивал коленки, локти. Этой же водой растирал виски, лицо, чтобы разогнать сон. Считал дни по отверстию вверху: если темное, значит ночь, если светлое – день. Примерно помню шесть с половиной суток. Потом потерял память и очнулся уже наверху. Лежал на спине, и возле меня был немецкий врач, который с большим удивлением смотрел на меня. А потом на правой ноге с большого пальца срезал часть. Кто в этот бункер попадал, не выдерживал, умирал...» [5].

Животные
Лошадь - алого
Осел - гайдури
Корова - агелада
Бык - води
Коза - Каизька
Собака - Стилос
Свинья - Гирос
Курица - Коза
Петух - Кукли
Утка - Патос
Овца - Прато
Столовые приборы
Ложка - Кутали
Вилка - Пируни
Стакан - Поталь
Чашка - Карафаки
Кастрюля - Цикали
Котел - Казани
Нож - Макири
Кружка - Потири
Тарелка - Бацури
Повар - Магирас
Ужин - Вицо

Листы русско-греческого разговорника, составленного военнопленным Федором Александровичем Черным. Фотокопия. [1943 г.] [6]

Спустя некоторое время, после описанных в воспоминаниях событиях, Федор Александрович совершил побег из лагеря и 11 месяцев служил в партизанском отряде «Элас» автоматчиком. Был освобожден войсками союзников в 1944 г. Уже после окончания войны по долгу службы оказался в г. Чкалове (так в 1938–1957 гг. назывался г. Оренбург), женился и навсегда связал свою жизнь с нашим городом.

Многих из тех, чьи судьбы отражены в документах Г.М. Десяткова и на страницах книги «Герои секретных архивов», нет в живых. Но память о них осталась в фотографиях и воспоминания. Хочется надеяться, что эти документы будут востребованы в дальнейшем изучении еще пока неизвестных эпизодов Великой Отечественной войны.

Библиографический список

1. ОГАОО (Объединенный государственный архив Оренбургской области). Ф. 8264. Оп. 1. Д. 47. Л. 4.
2. ОГАОО. Ф. 8364. Оп. 1. Д. 47. Л. 4 об.
3. ОГАОО. Ф. 8364. Оп. 1. Д. 47. Л. 6.
4. ОГАОО. Ф. 8364. Оп. 1. Д. 47. Л. 2.
5. ОГАОО. Ф. 8264. Оп. 1. Д. 37. Л. 26 об., 27.
6. ОГАОО. Ф. 8264. Оп. 1. Д. 47. Л. 3.

И. А. Клюс
Государственный архив административных органов
Свердловской области, г. Екатеринбург

Плен в условиях Великой российской революции

(по материалам Государственного архива административных органов Свердловской области)

Аннотация. В статье, на материалах Государственного архива административных органов Свердловской области, показано положение военнопленных Первой мировой войны, которые оказались на территории Урала в период революций 1917 года и Гражданской войны. Условия плена в период радикальных перемен в российском обществе претерпевали серьезные и стремительные изменения. В статье делается попытка выяснить, каким образом революционная обстановка повлияла на тактику и стратегию поведения военнослужащих армий Четверного союза, находившихся в лагерях военнопленных.

Ключевые слова: источниковедение; Первая мировая война; военнопленные; Великая российская революция; Гражданская война в России; лагеря для военнопленных; условия содержания военнопленных.

Плен может быть разным. И не только в войнах различных эпох или в разных государствах, участвующих в одном конфликте. Условия плена могут одномоментно, по историческим меркам, изменится даже в границах одной страны.

В этом смысле, для уяснения сути проблемы плена важно понимать, как менялись условия жизни военнопленных иностранных армий, оказавшихся в России в 1917-1922 годах. В контексте Великой российской революции и Гражданской войны.

Данная статья не может претендовать на полный охват темы. Предполагается лишь обозначить ключевые вопросы плена революционной эпохи, используя материалы Государственного архива административных органов Свердловской области.

Основой статьи выступили документы из второй описи фонда Р-1 «Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области» – архивно-следственные дела репрес-

сированных по политическим статьям и впоследствии реабилитированных граждан. Кроме этого, привлекались материалы фондов Р-128 «Управление советской милиции исполкома Верхотурского уездно-городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» и Р-154 «Надеждинский судья 2-го участка Верхотурского уезда».

На современном этапе проблема плена Первой Мировой войны на территории России достаточно хорошо разработана. Социально-культурными вопросами на материалах Урала активно занимается Н.В. Суржикова. А.П. Исаев и Д.А. Безруков изучают административно-политические условия российского плена. Экономические и социальные проблемы использования труда военнопленных рассматривает Б.И. Ниманов. На региональном уровне проблему плена изучают Е.Ю. Бондаренко, А.И. Гергилева, И.Е. Зубаров, Э.С. Идрисова, И.В. Крючков. Большую работу про военнопленных Османской империи написал В.В. Познахирев.

После того как Советское правительство в марте 1918 года вышло из Первой Мировой войны – военнопленные Четверного союза превратились в заложников странной ситуации. На подконтрольных большевикам территориях никто толком не знал каким образом устроить их дальнейшую судьбу и отправить на родину, а там, где правили балом антибольшевистские силы – пленных продолжали держать в лагерях, ужесточив при этом режим. Данный период освящен в историографии значительно хуже. Между тем перипетии судеб иностранных пленных, обусловленные началом широкомасштабной Гражданской войны, представляют большой интерес.

Серьезные изменения в отношении к пленным произошли задолго до февраля 1917 г. После того, как стал понятен затяжной характер войны, Российское правительство все больше стало смотреть на находящихся в лагерях иностранных солдат, как на экономический ресурс. Привлечение пленных солдат к труду в промышленности и сельском хозяйстве устанавливало положение «О военнопленных» от 7 октября 1914 г. [26, с. 153-154]. К весне 1917 г. на различных работах использовалось примерно 1,5 млн. человек [30, с. 137].Всего же в плену на территории Российской Империи оказалось примерно 2,3 млн. военнослужащих иностранных государств [27, с. 143].

Особое отношение военное ведомство Российской Империи, а затем Временного правительства проявляло к пленным славянских наци-

ональностей. Уже в начале войны началось формирование чешских, польских, сербских, а затем румынских подразделений [31, с. 325].

Немцы, австрийцы и венгры считались менее благонадежными, но на работах использовались на равных основаниях представители всех национальностей. Анкеты арестованных и протоколы допросов дают широчайший спектр направлений деятельности, к которым привлекались военнопленные. Чаще всего это, конечно, неквалифицированный труд. Так в анкетной части протокола допроса венгра С.С. Хуссара, попавшего в плен летом 1916 г. сказано, что после этапирования в г. Ирбит, он был направлен на строительство железной дороги в район г. Туринска [5, л. 15], где и проработал до января 1918 г. [Ibid., л. 36]. Также оказавшийся в 1916 г. в плену, австрийский подданный В.Н. Гусоватых в показаниях от 31 октября 1937 г. указал: «я совместно с другими военнопленными сразу прибыл тогда в бывшую Екатеринбургскую губернию в Теплый Ключ на лесные работы, где нас было военнопленных 500 человек австрийцев и немцев» [6, л. 16].

Военнопленные, имевшие профессии, часто распределялись согласно специальности. Бывший солдат Австро-венгерской армии, кузнец по профессии, А.П. Богум, живший в Екатеринбурге с 1915 г., работал кузнецом не только в плену, но и после освобождения и вступления в советское подданство.Вплоть до своего ареста в 1938 г. [7, л. 17 об.]. Более того, по всей видимости, пленный, обладающий определенными навыками, мог получить профессию. Из показаний И.Ф. Вегратавидно, что, попав в плен в 1915 году, он был помещен сначала в лагерь во Львове, а затем перевезен в Екатеринбургский лагерь. Тут его перевели в сапожную мастерскую при земской управе и обучили специальности. Сапожником И.Ф. Вегратоставался и при Николае II, и при Временном правительстве, и при Колчаке, и при большевиках. Менялись лишь названия организаций, в которых он работал [8, л. 13 об.-14].

Образованные специалисты были вообще нарасхват. Артиллерийский унтер-офицер Ф.И. Ридель, по прибытии на Урал в составе команды военнопленных, был сразу переведен на работу в Управление Богословской железной дороги в качестве чертежника [9, л. 28-29 об.], что позволяло ему пользоваться свободами, недоступными другим собратьям по несчастью [Ibid., л. 83].

На Урале сложилась своя специфика использования труда военнопленных. В отличие от многих других губерний Российской Империи, большая их часть работала на промышленных предприятиях, а не в

сельском хозяйстве [31, с. 142-144]. Тем не менее, значительное количество солдат иностранных армий в нашем регионе также оказалось занято крестьянским трудом. Зачастую именно эта группа пленных вступала в наиболее тесные отношения с местным населением. Так, попавший на Урал бывший солдат Австро-Венгерской армии П.М. Максимяк, направленный на работу в Ирбитский уезд, в 1916 г. пошел в батраки к жительнице с. Ключи А.А. Деминой. Неизвестно, когда иностранный работник и хозяйка начали испытывать друг к другу глубокие чувства, но в 1922 году они официально оформили свои отношения. В браке у них родилось трое детей [10, л. 2-2 об.]. Судя по фотографии из вида на жительство, сделанной в начале 30-х гг. прошлого века, П.М. Максимяк (Демин) был видным мужчиной [Ibid., л. 22].

С падением монархии в феврале-марте 1917 г. в обществе начались процессы демократизации,затронувшие и военнопленных. Для нижних чинов, например, была установлена фиксированная плата за осуществление работ – от 20 до 50 коп.[24, с. 93]. Однако на фоне стремительно развивавшегося экономического кризиса материальное положение солдат иностранных армий, находившихся в плену, только ухудшалось. Стремясь как-то его улучшить, рабочие из военнопленных начинают выносить с предприятий все, что можно продать. Осенью 1917 г. несколько пленных из немцев, в содружестве с местными жителями украли с завода в г. Серове шкивы и успешно их реализовали на городском рынке [21, л. 89-90]. Удивительно, но весьма специфический товар быстро нашел покупателей.

Если принять во внимание тяжелые поражения Русской армии на фронте и нарастающую дезорганизацию, становится особенно понятным желание многих пленных уехать домой. С весны 1917 г. индивидуальные и групповые побеги превращаются в норму [31, с. 170]. После октября ситуация только усугубилась. Судя по циркулярному письму «г.г. уездным комиссарам и начальникам милиции» Пермской губернии с 17 ноября по 10 декабря 1917 г. (даты даны по ст. стилю) в побег ушли 23 человека [20, л. 8]. Это только те, кто был официально указан в качестве сбежавших.

Конец 1917 г. стал одновременно концом либерального этапа Великой российской революции. Сначала в центре, а потом и на местах на смену экономической эксплуатации пленных пришло стремление включить их в социально-политическую борьбу.

Условия Брестского мира предполагали безусловное возвращение всех германских и австро-венгерских подданных на родину. С этой целью была создана специальная организация – Центрпелнбеж. Однако, по утверждению немецкого историка Р. Нахтигаля вместо того, чтобы заниматься исключительно эвакуацией военнопленных и беженцев, она в большей степени вела пропагандистскую работу среди иностранцев. В результате многие либо принимали советское гражданство, либо просто оставались на территории России, чтобы переждать мировую бурю [27, с. 152]. Находившийся в забайкальском лагере уроженец Будапешта А.А. Чука через двадцать лет на допросе в НКВД сказал, что принял советское гражданство в 1918 г. после убедительной речи представителей Красного креста. Затем добровольно вступил в красногвардейский отряд [11, л. 12-13 об.]. Скорее всего, А.А. Чука остался в России посредством именно сотрудников Центрпленбежа, занимавшегося координацией работы различных организаций, работавших с военнопленными, беженцами и гражданскими заложниками.

В ГААОСО есть следственное дело 1938 года В.П. Конца, попавшего в российский плен в 1916 г. С его слов следователь внес в протокол следующее: вступил в партию в 1918 г. находясь в лагере г. Тавда, и по поручению партийной ячейки вел среди других пленных пропагандистскую работу. Кроме этого, В.П. Конц видимо занимался разведывательной деятельностью. В частности, он говорил: «в мою функцию тогдашней работы входило выяснить наступление на Тавду чехословацких отрядов» [12, л. 5-10 об.].

Иностранцы, проникнувшиеся идеями коммунизма, вели агитацию не только среди соплеменников. Интересный сюжет описывал в своих показания Х.Д. Роттенберг, который в начале 1918 г. занимался пропагандистской работой в г. Верхотурье. Он и его товарищ, также военнопленный Австро-Венгерской армии А.А. Ходжич, выступал и перед самыми разными группами военнослужащих. «Однажды около кухни – рассказал Х.Д. Роттенберг следователю ВЧК – мы устроили митинг, но солдаты нас оттуда погнали, за мной погнался один солдат с шашкой и револьвером. Причем солдаты говорили, что свобода для них, а не для нас» [13, л. 32].

На территориях, находившихся под контролем антибольшевистских сил, не принявших условий Брестского мира, режим содержания военнопленных, наоборот, ужесточился. Все вопросы, связанные с пленны-

ми солдатами Четверного союза, сосредоточило в своих руках военное ведомство адмирала Колчака. Произошел своего рода откат в ситуацию до февраля 1917 г. Иностранные солдаты и офицеры направлялись обратно под охрану и надзор. Все их действия, связанные с трудовой и бытовой сторонами жизни, были вновь строго регламентированы [31, с. 431-436]. Так, упомянутый выше австрийский немец И.Ф. Веграт, работавший на момент занятия Екатеринбурга белыми сапожником в Губкоме, был вновь водворен в лагерь. Там он просидел три месяца, а затем переведен на работу в тыловое подразделение одной из частей Екатеринбургского гарнизона [8, л. 13-14].

Видимо имели место случаи расправ над военнопленными со стороны антибольшевистских вооруженных формирований. М.А. Ожвар, венгр по национальности, вспоминал в показаниях от 22 августа 1938 г. следующее: «в период революции я находился в г. Свердловске, во время пребывания чехов на Урале меня как военнопленного направили в лагерь… При отъезде чехов из г. Свердловска часть из военнопленных взяли с собой, часть расстреляли. Я и другие в количестве семи человек разбежались и остались в г. Свердловске…» [14, л. 7-11].

Случай расстрела пленных, о котором рассказал М.А. Ожвар, вполне достоверен. Не секрет, что между чехами и венграми, подданными распадавшейся в тот момент Австро-Венгерской Империи, существовала непримиримая вражда, которая в полной мере проявила себя на полях Гражданской войны в России.

Другому бывшему военнопленному, вступившему в Красную армию, повезло больше. И.И. Хула, допрошенный следователем НКВД по подозрению в шпионаже, указал, что был взят в плен Белой армией в 1918 г. в районе Тюмени. Затем 9 месяцев содержался в лагере в Ирбите и вместе с другими заключенными был освобожден наступавшими частями Красной армии [15, л. 14-15 об.].

На данный момент в ГААОСО не выявлено документов пленных солдат Четверного союза, вступивших в годы Гражданской войны в Белую армию. Однако имеется два архивно-следственных дела, которые дают возможность установить имена трех венгров, переведенных из лагеря военнопленных на работу в 195 госпиталь Белой армии, находившийся в Екатеринбурге.

И.Ф. Феш и С.И. Ердышев работали в госпитале санитарами [16, л. 5-5 об.,39-40], а Л.П. Ивани – рабочим, хотя до прихода в город он трудился в аптеке и после войны стал профессиональным фармацевтом [17, л. 6-7]. Можно предположить, что и в госпитале Л.П. Ивани стоял на должности, связанной с изготовлением, учетом и распределением лекарственных препаратов. Кстати, ни у него, ни у других, судя по материалам следствия, никаких проблем в связи со службой у белых не возникло. Следствие периода Большого террора ставило им в вину совершенно другие обвинения.

В контексте революционного насилия уместно сказать о тактике и стратегии поведения пленных иностранных армий. На основании анализа биографий тех из них, чьи дела были выявлены в составе фондов ГААОСО можно сказать, что поведение того или иного иностранца в подавляющем большинстве случаев носило ситуативный характер. Главной их целью было – выживание.

Как показывают исследования проблемы плена Первой мировой войны, если в августе 1917 г. на территории бывшей Российской Империи было около 2 млн. человек, то уже к началу 1918 г. их стало на 200 тыс. меньше. Пленные старались выехать на родину всеми возможными способами [2, с. 271-272]. Они стремились уехать из России и после начала широкомасштабной Гражданской войны, но это становилось сделать все труднее и труднее.

В случае отсутствия возможности покинуть Россию, реализовывалась вторая по популярности стратегия – «отсидеться». Переждать стихию где-нибудь в деревне или работая на промышленном предприятии, сотрудников которого стороны военного конфликта старались не мобилизовывать.

Вот характерные примеры. В 1938 году, на допросе И.А. Божан вспоминал: «меня как военнопленного направили вглубь России, сперва направили в г. Ташкент, а потом на Урал. Проживал в с. Сылва Талицкого района, позже в г. Красноуфимске и в период революции я находился в с. Ачит, Ачитского района, работал у крестьян, где и проживал до 1922 г.» [18, л. 12]. В с. Ачит И.А. Божан женился на местной девушке и у них в 1920 г. родился первый ребенок [Ibid., л. 11].

Судя по следственному делу А.И. Добши, он был мобилизован в 1914 г. и на момент мобилизации два года состоял в Социал-демократической партии Венгрии [19, л. 14]. Через год А.И. Добша попал в плен и содер-

жался в лагере г. Курмыш Симбирской губернии. В 1917 г., «с началом революции», работал на строительстве электростанции в Подмосковье откуда был направлен в г. Серов, где и проживал до начала Большого террора [Ibid., л. 16]. В Серове А.И. Добша трудился на металлургическом заводе, в 1925 г. вступил в ВКП(б) [Ibid., л. 12 об.]. Получается, что еще до войны он был убежденным социалистом и находясь в СССР вновь вступил в ряды партии. Очевидно, этот человек имел определенные убеждения, однако в годы Гражданской войны предпочел не вступать в Красную армию.

Решительных бойцов, готовых отстаивать коммунистические идеи, добровольно взяв в руки оружие, конечно было меньшинство. Но их путь в революции – наиболее интересен. Так, военнопленный А.А. Чука, о котором уже говорилось выше, рассказал следствию о своих злоключениях следующее: «в 1918 г. я как красногвардеец участвовал в боях с чехами и с Белой армией Семенова. В г. Троицкосавск (ныне г. Кяхта – прим. авт.) 1-ый Омский интернациональный отряд, в котором я служил, был разгромлен чехами и семеновцамии часть, в том числе я, были забраны в плен. После взятия меня в плен я в течении трех месяцев сидел в тюрьме г. Троицкосавск, после чего был освобожден и в том же городе при белых работал в сапожной мастерской. В 1920 г. при отступлении Семенова из г. Троицкосавска нам в компании 12-ти человек удалось бежать. В том же 1920 г. по прибытии в г. Верхне-Удинск я добровольно вступил в Красную армию, где служил до конца 1921 г.» [11, л. 13-13 об.].

Перед нами без преувеличения – несгибаемый боец, испытавший все варианты плена, а в перерывах между лагерями и принудительными работами, успевший неплохо повоевать. При этом в партию А.А. Чука вступил лишь в 1929 г. и уже в 1933 г. «механически выбыл» [Ibid., л. 6-6 об.]. Скорее всего это означает, что тов. Чука не слишком часто посещал собрания и уклонялся от выплаты партийных взносов, а возможно не в меру хулиганил.

После Компьенского перемирия осени 1918 г. и последовавшего летом 1919 г. Версальского мирного договора, для тех военнопленных Четверного союза, что не вступили в Гражданскую войну на территории России, боевые действия, по сути, закончились. Однако процесс их возвращения в родные края затянулся еще на несколько лет.

Таким образом, на основании документов, находящихся на хранении в ГААОСО, можно увидеть, что с началом Великой российской революции произошло смягчение режима содержания военнопленных стран Четверного союза. Это в свою очередь привело к тому, что пленные получили свободы, сравнимые с местным гражданским населением.

После октября процесс реализации вновь обретенных пленными возможностей сместил ситуацию в сторону своего рода хаоса. В первую очередь в вопросах перемещения по стране и выезд за ее пределы. Иностранцы, попавшие на территорию бывшей Российской Империи в ходе Первой мировой войны, стремились вернутся домой всеми доступными способами – легальными и не очень. Одновременно с этим шло формирование вооруженных сил различных сторон Гражданской войны, которое втягивало людей, имеющих боевой опыт.

Огромное влияние на обстоятельства плена оказывали внешнеполитические факторы. Стремление к экономической эксплуатации пленников войны, характерное для монархии и власти Временного правительства, начало сменятся характерной для большевиков политической эксплуатацией. При этом иностранцы фактически не ограничивались в полученных ранее свободах. Противники власти Советов, напротив, стремились оградить военнопленных от политической агитации, взять под охрану и вновь привлечь наиболее нужных специалистов из их числа для выполнения различных работ.

Что касается поведения самих военнопленных, то оно, судя по выявленным в ГААОСО документам, сводится к трем основным стратегиям. Во-первых – как можно скорее эвакуироваться на родину при помощи международных организаций или самостоятельно. Во-вторых – избежав непосредственного участия в Гражданской войне, остаться в России и найти себе надежную работу. Оговоримся, что эти две стратегии использовало большинство военнопленных Первой мировой войны. Наконец, в-третьих – вступить в вооруженную борьбу на чьей-либо стороне.

По третьему пути пошло относительно не много бывших военнослужащих Четверного союза. Однако следует уточнить, что специфика материалов, хранящихся в ГААОСО, позволяет выявить только тех, кто сражался в рядах Красной гвардии, Красной армии, отрядах ВЧК, ЧОН и т.д. В армиях антибольшевистских сил, тоже были пленные Первой мировой войны, в первую очередь из числа иностранных офицеров. Но их судьба по документам, находящимся на хранении в ГААОСО, не прослеживается.

Библиографический список

1. Безруков, Д. А. Система управления военнопленными и использование их труда в Новгородской губернии 1914-1918 гг.: дис. на соиск.учен. степ. канд.ист. наук: 07.00.02 / Безруков Денис Александрович; Новгородский гос. ун-т.- Великий Новгород, 2001. -122 с.
2. Белова, И. Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914 - 1925 гг. (По материалам центральных губерний Европейской России): дис. на соиск. учен. степ.д-раист.наук: 07.00.02 / Белова Ирина Борисовна;Брянский гос. пед. ун-т. - Брянск, 2014. - 461 с.
3. Бондаренко, Е. Ю. Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России: 1914–1956 гг.:автореф.дис. на соиск.учен. степ.д-раист. наук: 07.00.02 / Бондаренко Елена Юрьевна; Дальневосточный гос. ун-т. - Владивосток, 2004. - 48 с.
4. Гергилева, А. И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири: автореф.дис. на соиск.учен. степ. канд.ист. наук: 07.00.02 /Гергилева Алла Ивановна; Сибирский гос. тех. ун-т. - Красноярск, 2006. - 24 с.
5. Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. Р-1.Оп. 2.Д. 34205.
6. Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. Р-1.Оп. 2.Д. 20401.
7. Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. Р-1.Оп. 2.Д. 2964.
8. Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. Р-1.Оп. 2.Д. 55945.
9. Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. Р-1.Оп. 2.Д. 23627.
10. Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. Р-1.Оп. 2.Д. 58024.
11. Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. Р-1.Оп. 2.Д. 4101.
12. Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. Р-1.Оп. 2.Д. 60184.
13. Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. Р-1.Оп. 2.Д. 25780.

14. Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. Р-1.Оп. 2.Д. 1420.
15. Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. Р-1.Оп. 2.Д. 3155.
16. Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. Р-1.Оп. 2.Д. 19484.
17. Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. Р-1.Оп. 2.Д. 3759.
18. Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. Р-1.Оп. 2.Д. 3284.
19. Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. Р-1.Оп. 2.Д. 2666.
20. Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф.Р-128.Оп. 1.Д. 2.
21. Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф.Р-154.Оп. 1.Д. 1.
22. Зубаров, И.Е. Деятельность коллегии по делам военнопленных и беженцев Симбирской губернии в 1914–1922 гг.:автореф.дис. на соиск.учен. степ. канд.ист. наук: 07.00.02 / Зубаров Игорь Евгеньевич; Пензенский гос. пед. ун-т. - Пенза, 2006. - 24 с.
23. Идрисова, Э.С. Иностранные военнопленные Первой мировой войны наЮжном Урале в 1914–1922 гг.:автореф.дис. на соиск. учен. степ. канд.ист. наук: 07.00.02 / Идрисова Эльвира Сагидовна; Оренбургский гос. пед. ун-т. - Оренбург, 2008. - 24 с.
24. Иконникова, Т.Я. Военнопленные первой мировой на российском дальнем востоке (1914—1918 гг.) / Т. Я. Иконникова // Россия и АТР. - 1999. - №1.- URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voennoplennye-pervoy-mirovoy-na-rossiyskom-dalnem-vostoke-1914-1918-gg (дата обращения: 18.10.2022).
25. Исаев, А. П. Российские органы управления и военнопленные противника: вопросы взаимоотношений (1917-1922 гг.): автореф. дис. на соиск.учен. степ. канд.ист. наук: 07.00.02 / Исаев Алексей Петрович; Северо-Западная академия гос. службы. - Санкт-Петербург, 1998. - 29 с.

26. Кутявина, М.Н. Правовое положение военнопленных на территории российского государства в период Первой мировой войны / М. Н. Кутявина, И. Ю. Маньковский // Наука и современность. - 2016. - №42.- URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-polozhenie-voennoplennyh-na-territorii-rossiyskogo-gosudarstva-v-period-pervoy-mirovoy-voyny (дата обращения: 22.10.2022).
27. Нахтигаль, Р. Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны / Р. Нахтигаль // QuaestioRossica. -2014. - №1. - С. 142-156.
28. Ниманов, Б. И. Особенности и основные факторы содержания и хозяйственной деятельности военнопленных в 1914–1917 годах в Поволжье: дис. на соиск.учен. степ. канд.ист. наук: 07.00.02 /Ниманов Борис Игоревич;Российский ун-т дружбы народов. - Москва, 2009. - 186 с.
29. Познахирев, В.В. Турецкие военнопленные и гражданские пленные в России в 1914-1924 гг.: документы, факты, исследования / В. В. Познахирев. - Москва: Нестор-История,2014. -293 с.
30. Смирнов, Ю.И. Военнопленные на территории России в годы Первой мировой войны / Ю. И. Смирнов, М. И. Скрипникова // Вестник МИЭП. - 2016. - № 1 (22). - С. 135-139.
31. Суржикова, Н. В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.):дис. на соиск.учен. степ. канд.ист. наук: 07.00.02 / Суржикова Наталья Викторовна; Институт истории и археологии Уральского отделения РАН. - Екатеринбург, 2015. - 564 с.
32. Суржикова, Н. В. Российский плен 1914–1922 гг. в новейшей отечественной историографии: контексты, конструкты, стереотипы / Н. В. Суржикова// Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. - 2013. - №2 (22).- URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskiy-plen-1914-1922-godov-v-noveyshey-otechestvennoy-istoriografii-konteksty-konstrukty-stereotipy (дата обращения: 22.10.2022).

А. П. Овчинникова
Городской краеведческий музей Миасского городского округа, г. Миасс

Лагерные отделения немецких военнопленных на территории Миасса в 1944-1949 гг.

(по материалам МБУ «Миасский окружной архив»)

Аннотация. Изучение вопроса нахождения немецких военнопленных на территории Урала занимает особое место. Управление по делам военнопленных и интернированных действовало с 1939 по 1953 годы, а на Урале, конкретно в Челябинской области, были созданы уже в 1942 года и продолжали свою работу до 1951 года.

Военнопленные работали в сферах по восстановлению страны, пострадавшей во время войны, а также были задействованы в строительстве заводов, городов и добыче ископаемых. Данная статья разбирается не только где работали немецкие военнопленные, но также рассматривает условия содержания, быт, питание.

Ключевые слова: плен; военнопленный; НКВД; лагерь; Челябинская область; восстановление; УралЗИС; довольствие; строительство; лечение; питание; быт.

Прошло более 80 лет со времени начала Великой Отечественной войны советского народа против фашистских захватчиков, но интерес к вопросам, связанным с историей войны, по-прежнему актуален.

Одной из недостаточно изученных тем является организация на территории СССР лагерей для военнопленных и интернированных. Сложность в изучении истории лагерей Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) объясняется, прежде всего, закрытостью информации на протяжении всего советского периода, в лучшем случае приводились данные о количестве военнопленных. По данным из германских источников в советском плену в годы войны находилось примерно 3,15 млн. немцев, советские источники показывают меньшую цифру – 2,5 млн. [17]. Кроме того архивные документы часто находятся в плохой сохранности (карандашные записи, ветхая бумага, последствия коммунальных аварий).

Управление по делам военнопленных и интернированных фактически действовало при НКВД СССР с 19 сентября 1939 г. (с 1944 г. по 1951 г. ГУПВИ). Непосредственное руководство ГУПВИ осуществлял нарком (министр) внутренних дел и его заместители. За этот период

времени оно передавалось из ведения НКВД в МВД и обратно, и лишь в марте 1953 г. было расформировано и его функции переданы тюремному управлению МВД СССР.

1 июля 1941 г. правительство СССР утвердило «Положение о военнопленных». Военнопленным гарантировалось соответствующее их статусу обращение, предоставление медицинской помощи на равных с советскими военнослужащими основаниях, возможность переписки с родственниками и получения посылок.

Этот основной нормативный акт, определивший правовую основу содержания иностранных военнопленных в Советском Союзе, носил компромиссный характер. С одной стороны в него вошли основные гарантии сохранения жизни и обеспечения необходимых условий содержания и медицинской помощи военнопленным, предусмотренных международными конвенциями. С другой – не были включены многие ограничения в наказаниях военнопленных, их трудоиспользовании, а также была исключена возможность контроля со стороны международных органов за положением пленных [18].

До декабря 1942 года общее число военнопленных вермахта в нашем тылу было сравнительно небольшим. Основная волна захваченных в плен оккупантов начала поступать в лагеря НКВД по завершении Сталинградской битвы, после февраля 1943 года.

Исследователей, занимающихся изучением вопроса об организации лагерей для военнопленных на территории Челябинской области немного: Алексей Федорович Яловенко, результатом труда которого в архивах НКВД явилось 4–х томное издание «Архипелаг ГУПВИ в Челябинской области», историк Владимир Павлович Мотревич «Лагеря ГУПВИ НКВД (МВД) СССР в Челябинской области в 1942–1950 гг. (численность и дислокация)» и некоторые другие.

В.П. Мотревич в своем исследовании «Лагеря ГУПВИ НКВД (МВД) СССР в Челябинской области в 1942–1950 гг. (численность и дислокация)» выделяет три этапа в создании лагерей ГУПВИ НКВД СССР в Челябинской области: май 1942 - 1943 гг. – прибытие первых эшелонов с военнопленными и создание лагерей, 1944 - сер. 1945 гг. – окончательное складывание системы лагерей, 1946 - 1951 гг. – свертывание и ликвидация системы лагерей [15, с. 162-169].

Одним из первых лагерей для военнопленных в Челябинской области 14 октября 1942 года был организован Кыштымский производствен-

ный лагерь военнопленных НКВД № 95. Здесь военнопленные строили каолиновый комбинат, необходимый для литья резиновых танковых катков. По данным историка, краеведа А.Ф. Яловенко пленные бойцы стран гитлеровской коалиции участвовали на Южном Урале в строительстве и множества других уникальных объектов: сверхсекретного атомного проекта «Маяк», хранилищ для погребения атомных отходов в Муслюмово. Не один год интернированные лучшие немецкие ученые в абсолютно секретных лабораториях на озерах Миассово и Сунгуле работали с академиком Тимофеевым-Ресовским – изучали влияние радиоактивности на организм человека [5].

Каким же образом была организована система УПВИ? Управления лагерями размещались в самом Челябинске, а их лагерные отделения – по городам области таким образом, чтобы обеспечить максимальное трудовое использование военнопленных. Первые три отделения лагеря № 68, существовавшего с 17 июля 1943 г. по 31 января 1947 г. дислоцировались в Челябинске, Бакале и Миассе. В октябре 1944 г. в Челябинской области был организован еще одни лагерь под номером 102, под наименованием Челябинский, 6-е отделение которого существовало в Миассе с 10 октября 1944 года по 30 марта 1946 г.

На послевоенный период (конец 1945 – начало 1946 года) приходится этап массовой организации производственных лагерей ГУПВИ. Этот период связан с процессом массового вывоза военнопленных из фронтовых в тыловые лагеря.

Согласно информации, полученной из данных В.П. Мотревича, летом 1945 года в области организуется лагерь номер 337 в составе 10 отделений. Его 2-е, 5-е и 9-е отделения также базируются в Миассе. Первые два – с 8 июня 1945 года по 30 марта 1946 г., а последнее – с 12 июля 1945 г. по 30 марта 1945 г. 30 марта 1946 года формируется новая структура управления лагерями. Суть ее состояла в том, что было закрыто несколько лагерей, в их числе лагеря 102 и 337, отделения которых располагались, в том числе, на территории Миасса, а в 1947 г. и лагерь № 68. Существовавшие в этих лагерях лагерные отделения получают единую сквозную нумерацию и продолжают существовать в Миассе под № 33 с 30 марта 1946 года по 22 июня 1948 г.

Для хранения документов по деятельности лагерей для военнопленных и интернированных в 1946 году был создан Центральный государственный особый архив. Именно сюда передавались все документы по

этой теме. Это было секретное учреждение, открытое для исследователей лишь в 1992 г.

Но, по неизвестным причинам, документы, касающиеся организации и деятельности лагерных отделений для военнопленных организованных в Миассе, не были переданы в государственные архивы, а оказались в окружном архиве Миасского городского округа и вошли в состав фонда № 33 под названием: «Министерство внутренних дел СССР. Управление по делам военнопленных и интернированных. Лагерное отделение военнопленных № 25». Документы этого фонда и легли в основу исследования. Кроме того, материалом для исследования явились воспоминания бывших военнопленных и современников, хранящиеся в фондах Городского краеведческого музея Миасского городского округа.

Рассматривается период – с октября 1944 г. до конца 1949 г. Хронологические рамки определены по времени прибытия первых пленных на территорию Миасса, и завершаются периодом репатриации.

Цель исследования состоит в том, чтобы через изучение архивных документов провести анализ исторических и экономических аспектов и определить особенности пребывания военнопленных на территории Челябинской области, а именно в лагерных отделениях, расположенных в г. Миассе.

Несмотря на название фонда, в нем встречаются документы не только лагерного отделения № 25, но и практически всех вышеперечисленных лагерных отделений, расположенных на территории города Миасса.

Документы фонда можно поделить на несколько групп. Ежемесячные конъюнктурные обзоры лагеря дают общее представление о лагерном отделении, его территории, о трудовом использовании (указывается численность работающих военнопленных в разных цехах завода УралЗИС и на разных предприятиях, производительность труда, специальности, виды работ, премиальные вознаграждения), об условиях проживания военнопленных, санитарном состоянии, вещевом довольствии, питании, лечении, национальном составе.

В отчетах комиссий УПВИ, УМВД по Челябинской области с представителями ГУПВИ МВД СССР, актах по проверке общего состояния лагерного отделения, безопасности и режима, актах инвентаризации, указывается на имеющиеся недостатки с требованием их устранения.

Есть ряд документов по личному составу: это служебные характеристики, аттестации личного состава, откуда можно узнать многое о штатных сотрудниках: ФИО, звание, должность, год и место рождения, национальность, образование, партийность, состав семьи, адрес, сроки службы в армии, на фронте и в лагерном отделении, награды. Вызывают интерес также книги приказов, докладные записки и другие документы.

К сожалению, в документах Миасского архива отсутствуют какие-либо планы, чертежи лагерных построек, точные координаты местонахождения лагерных отделений и кладбищ военнопленных. Эти данные можно получить лишь из описательной части или по воспоминаниям современников.

Наиболее информативными являются конъюнктурные обзоры. Из них известно, что часть лагерных отделений располагалась на окраине рабочего поселка УралЗИС, с восточной стороны – на сопках, поросших сосновым и лиственным лесом. С юга, запада и севера размещался рабочий поселок, за ним река Миасс, впадающая в озеро, которое находилось на расстоянии 2 км. (имеется ввиду Поликарповский пруд). С запада от лагерей расположен поселок Мелентьевка.

По воспоминаниям современников один лагерь располагался на пустыре выше бывшего автозаводского базара, за магазином № 50 (район ул. Победы). Расстояние от завода 0,5-0,8 км. Другой находился на пересечении нынешних улиц Романенко и Гвардейской (примерно в 1,5 км от завода УралЗИС).

Из протокола заседания исполкома Октябрьского поселкового Совета депутатов трудящихся 1948 года о санитарном состоянии улиц известно о местонахождении 27-го лагерного отделения – выше ул. Горького в пос. Мелентьевка [21]. А из решения исполнительного комитета Миасского городского Совета депутатов трудящихся № 307 от 31.10.1963 г. «Об утверждении перечня населенных пунктов городов Миасса и Чебаркуля, не имеющих базы развития», указывается, что пос. Лесной возник на базе жилого фонда бывшего лагеря заключенных, переданного тресту «Уралавтострой». Правда, установить, какое именно лагерное отделение находилось на этой территории, пока не представляется возможным.

Лагерное отделение № 25 (район ул. Победы) занимало под зону 25 958 кв. м., было окружено 2,5 метровым деревянным забором, по периметру имелось четыре наблюдательные вышки, с которых просматривалась вся территория зоны. В центре этой площадки были распо-

ложены три барака каркасно-засыпного типа, в них размещались в среднем по 750 человек. Общая жилая площадь – 1600 кв. м. Бараки оштукатурены, стены и потолки чисто побелены, и даже «художественно украшены». Имелся свой транспорт – четыре автомобиля ЗИС-5 и одна полуторка. Руководили лагерем сначала техник-интендант Озеров Павел Кузьмич, а затем старший лейтенант Морозов Арсений Арсеньевич.

Начальником лагерного отделения № 33 был лейтенант Карабинцев Павел Иванович. Общая численность военнопленных здесь составляла в среднем 2550 человек. В бараках размещались от 400 до 700 человек. При проверке в сентябре 1946 г. численности военнопленных в бараках, были выявлены следующие показатели: барак № 1 – 510 кв. м. (686 чел.), № 2 – 630 кв. м. (576 чел.), барак № 3 – 635 кв. м. (626 чел.), барак № 4 – 448 кв. м. (406 чел.), барак № 5, который планировалось завершить к 1 октября – 192 кв. м. (175 чел.) [1, с. 15]. Численность военнопленных в лагерях постоянно менялась, увеличивались и площади лагерных построек. И, если в 1946 году на одного военнопленного приходилось лишь по 0,5 кв. м. жилой площади, то к 1948 году уже по 1,5 м.

Все бараки были отремонтированы, оштукатурены, утеплены, отопление печное. Территория содержалась в порядке. Освещение было электрическое. В 1946 г. строится пекарня, где в сутки планировалось выпекать 1800-2000 килограмм хлеба.

Внутреннее устройство бараков было однотипным: военнопленные спали на двухъярусных дощатых нарах вагонного типа, покрытых матрасами, набитыми соломой, по два матраса на 3-4 человека, одеялами были обеспечены только половина, остальные укрывались собственной верхней одеждой. Отдельного места для приема пищи в бараках не было, пищу принимали на нарах, но у каждого военнопленного была своя посуда – котелок и ложка. Еду выдавали достаточно быстро – в течение часа удавалось накормить весь контингент. Четыре раза в месяц проводилась санитарная обработка контингента, имелся санпропускник и баня с пропускной способностью 40 человек в час.

Лагерное отделение № 6 (пересечение улиц Романенко и Гвардейской) занимало меньшую площадь – 16,9 кв. м., которая была также окружена деревянным забором, в центре стояли деревянные бараки, общей площадью 2400 кв. м. Возглавлял отделение в 1944–45 гг. лейтенант Е.А. Брюхов, затем П.К. Озеров, а с сентября 1947 года ст. лейтенант Морозов А.А.

Офицерский состав размещался в отдельном доме, был обеспечен неплохими квартирами, часть штатных сотрудников проживали в Октябрьском поселке, либо в бараках, либо в собственных домах. В лагере имелся собственный автотранспорт – автомобиль «Форд-6» и грузовой автомобиль.

Штатная численность обслуживающего состава лагеря составляла в среднем около 50 человек: 17 человек офицерского состава, врачи, медсестры, казначей, зав. аптекой, вахтеры, ст. бухгалтер, помощник инспектора по учету, экспедитор, киномеханик и другие. Все они получали продовольственные карточки не только на себя, но на детей и иждивенцев.

Лагерные отделения № 5 и 27 находились под управлением капитана Жемонахова.

Как следует из документов архива, начальники лагерных отделений могли исполнять свою должность в разное время в разных лагерях.

Главной целью организации лагерей в системе ГУПВИ было использование труда военнопленных на восстановлении разрушенных в результате военных действий городов, промышленных предприятий, а также строительстве новых.

«Положение о трудовом использовании военнопленных», утвержденное НКВД СССР 29 сентября 1945 года, стало основным нормативным документом по руководству трудовыми процессами в лагерях ГУПВИ на весь послевоенный период.

Контингент военнопленных, которые находились в лагерях г. Миасса, работал в основном на заводе УралЗИС. В соответствии с «Положением о трудовом использовании военнопленных» заключался договор между предприятием и лагерными отделениями [13, с. 37]. Труд военнопленных использовался практически во всех цехах и на всех видах работ, в зависимости от способностей и квалификации пленных. Обработкой деталей и работой на станках занимались станочники, механики, наладчики. Те же, кто не имел достаточной квалификации, использовались во всех цехах на погрузочно-разгрузочных работах, с учетом их принадлежности к группе здоровья. Часть военнопленных проходили обучение по программам: плотники, штукатуры, кочегары.

Продолжительность рабочего дня устанавливалась 8 часов, однако в погоне за перевыполнением плана (за что военнопленные получали дополнительное питание) в среднем ежедневно не менее ста человек работали сверхурочно на два часа дольше. На дополнительное пита-

ние военнопленным выделялись продукты от УралЗИС. Дополнительное питание, как следует из документов, не было стабильным и зависело от категории военнопленных, а также от тяжести труда в разных цехах. Чаще всего это был хлеб, мука, овощи, капустный суп, овсяная каша, картофельное пюре, рыба. В месяц общая сумма на дополнительное питание достигала почти 60 тысяч рублей, а стоимость обеда на одного человека – 4 р. 93 к. Рабочие получали, например, от 200 до 400 гр. черного хлеба, от 340 до одного кг картошки, 100 гр. рыбы, от 300 до 600 гр. овощей, 500 гр. супа, 5-10 гр. жиров [3, с. 65], [8, с. 109], [11, с. 21].

Что касается суммы денежного вознаграждения, то военнопленным, находящимся на нормированных работах, стали выплачивать от 10 рублей (выполнение нормы на 40-50 %) до 50 рублей (для выполняющих нормы). Бригадирам и десятникам выплачивалось от 30 до 100 рублей, врачам — 40 рублей, фельдшерам и работающим на ненормированных работах – 20 рублей, хозяйственной обслуге – 10 рублей в месяц. За плату пленный мог приобрести в месяц от 50 г до 250 г (перевыполняющий норму) махорки [3].

При этом сумма денежного вознаграждения не могла превышать 200 рублей в месяц на одного военнопленного, выполняющего тяжелую работу, и 150 рублей за прочие работы. Командиры отделений получали 20% надбавку к сумме, причитающейся за выполненные работы. Командирам взводов и рот выдавалось денежное вознаграждение в размере 50 и 75 рублей в месяц соответственно. Не выполняющим нормы военнопленным, а также занятым на хозяйственном обслуживании лагерей и неработающим, денежное вознаграждение не выплачивалось. При этом каждому военнопленному разрешалось иметь на руках не более 150 рублей наличных денег, а остальные суммы начислялись на их лицевые счета.

Средняя заработная плата военнопленного в миасских отделениях составляла около 20 руб., часть ее шла, в том числе, и на улучшение бытовых условий труда. О размерах премиального вознаграждения можно судить по документам архива: за декабрь 1948 г. оно составило 244027 руб., получили его 1236 чел в/п., в т. ч. 91 человек лагерной обслуги, т.е. в среднем 200 руб. на человека [10, с. 26].

Среди военнопленных были и многостаночники – 51 человек работали на двух-шести станках, при этом систематически перевыполняя нормы. Для них руководство завода предложило помимо усиленного

питания выделить на территории зоны барак с улучшенными бытовыми условиями, кроме того дополнительно по одной паре белья, простыни, комплект нового ватного костюма, по 400 гр. хозяйственного мыла в месяц.

В месяц устанавливались четыре (иногда два) выходных дня. В эти дни проводилась генеральная уборка в бараках (с выносом постельных принадлежностей), и на территории лагеря.

Военнопленные сыграли определенную роль в строительстве цехов и выпуске продукции на заводе: количество военнопленных, направленных на работы на УралЗИС составляло до 92 % от списочного состава лагерного отделения и до 20 % от среднесписочного числа всех рабочих УралЗИС. Так в 1948 году из 5243 человек военнопленных было 1050-1200 чел., автомобилей марки ЗИС-5 было выпущено 10 453 шт., марки ЗИС-21 – 792 шт [11, с. 27]. А при подведении итогов соревнования и взятия повышенных обязательств к 31-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции отмечалось, что в связи с убытием квалифицированного контингента в Германию по репатриации, прибывают менее квалифицированные военнопленные из других лагерей, в результате чего общая производительность труда упала на 5 %.

Помимо завода УралЗИС труд военнопленных использовался на других предприятиях города и в отраслях народного хозяйства: Мелентьевском руднике треста «Миассзолото», в каменном карьере, на кирпичном заводе, в коммунальном хозяйстве, жилищном и промышленном строительстве (трест «Уралавтострой»). Военнопленные занимались изготовлением предметов ширпотреба: шифоньеров, буфетов, комодов, книжных шкафов и пошивом вещевого имущества, а 6-7 % списочного состава использовались в лагерной обслуге и на внутренних работах.

Для примера разнарядка на работы по 25 лагерному отделению на 4 января 1948 г.: УралавтоЗИС – 932 чел., торфоцех ЗИСа – 10 чел., лесоцех ЗИСа – 18 чел., подсобное хозяйство лагерного отделения – 3 чел., стройконтора г. Миасс – 10 чел., мясокомбинат – 2 чел., Миасская МТС – 9 чел., ширпотреб лагерного отделения – 24 чел., «Миассзолото» – 48 чел., обслуга лагерного отделения – 102 чел., в комнате отдыха – 7 чел., вспомогательная команда – 13 чел., антифашисты – 3 чел., врачи офицеры – 6 чел. [3, с. 13].

Подобные данные характерны и для других лагерных отделений и наглядно показывают, что вопреки распространенному мнению, что

«пленные немцы построили большую часть жилых зданий в Миассе», на самом деле их труд использовался больше на строительстве промышленных объектов и на производстве УралЗИС.

В жилищном строительстве доля военнопленных составляла не более 15,4 % (среднесуточное количество рабочей силы, занятой на строительстве 2500 чел, в том числе военнопленных – не более 385 чел.). Военнопленные строили жилье на проспекте Сталина (ныне проспекте Автозаводцев), улице Автозаводской (ныне улице 8 Июля), железную дорогу по маршруту «Автозавод – станция – старый город», по которой ходил мотовоз, булыжную дорогу от автозавода до старой части города, фабрику известковых флюсов Тургоякского рудоуправления. Выполняемые ими работы: земляные, бутовая и шлакоблочная кладка, бетонные и железобетонные работы, установка деревянных перекрытий, жесткой и мягкой кровли, металлоконструкций.

Военнопленные работали и удаленно от лагерных отделений, в так называемых подкомандировках: на торфоразработках (отправлялись туда в среднем по 250 человек), размещались в построенных там бараках и землянках; на подсобном хозяйстве УралЗИС (свиносовхоз), которое находилось в Чебаркуле (размещались в центре поселка, в клубе).

С целью увеличения количества военнопленных, используемых на производстве и строительных площадках, руководство УПВИ НКВД с каждым годом все больше внимания уделяло улучшению условий их содержания – питанию и медицинскому обслуживанию. Это также нашло отражение в конъюнктурных обзорах.

На территории зоны каждого лагеря имелся лазарет, согласно отчетам в среднем в лазарете находилось одновременно по 40-50 чел. Условия содержания в лазарете отличались от казарменных – здесь выдавалось чистое постельное и нательное белье, температура в лазарете поддерживалась 22 градуса, было организовано улучшенное 4-х, а для тяжелобольных 5-ти разовое питание, пища готовилась отдельно (в соответствии с назначенной диетой – три стола). А когда начала действовать на территории зоны пекарня, все в лазарете стали получать белый хлеб своей выпечки.

В амбулатории имелись стационарные палаты – терапевтическая, хирургическая, изолятор, палата для гриппозных, операционная, послеоперационная, клиническая лаборатория. Количество посещений амбулатории за месяц доходило до 2350 раз. Освобождение от работы полу-

чали в среднем 250-400 чел. на разный срок. Истории болезни тяжелых больных велись на русском языке, а легких на немецком.

Основная причина обращения – фурункулез. Статистика заболеваний: фурункулез (406), хирургические заболевания (366), заболевания кожи и волос (340), заболевания органов дыхания (351), заболевания желудочно-кишечного тракта (259), производственные травмы (247), посещение зубного кабинета (232) нервные болезни (69) и другие [21]. Доноры из военнопленных получали дополнительное питание.

По итогам врачебно-трудовой экспертизы все военнопленные подразделялись на четыре группы трудоспособности. Первую группу составляли лица, способные выполнять все виды работ, вторую – лица способные выполнять работу средней тяжести, третью – только легкие виды работ. В четвертую группу входили инвалиды и хронические больные, чей труд можно было иногда использовать в мастерских лагерей.

В одном из документов по отнесению военнопленных к группам здоровья, указывается и национальный состав: немцев – 1384, румын – 30, чехов – 6, югославов – 6, австрийцев – 4, поляков – 6, японцев – 1 (данные по лагерному отделению № 25 за октябрь 1948г.) [8, с. 176].

Численность медперсонала в лазарете составляла в среднем 10 человек. По данным за 1946 год начальником санчасти лагерного отделения № 25 был Карманов Сергей Константинович (прошел войну, служил в армии с 1935 по 1945 г.). Возглавляла лазарет капитан медицинской службы Головина Александра Ивановна, прием вели фельдшеры Васильева и Лобчанская (обе прошли войну с 1942 по 1945 гг.).

Среди медработников были, в том числе, и военнопленные с медицинским образованием. Медработники лагерного отделения из военнопленных: Ян Вернер Альфред (стоматолог, мединститут Берлин), Росберг Ганс Арно (терапевт, мединститут Лейпциг), с 1948 года – Фроинд Вернер Эрнест (хирург, университет Франкфурт на Майне), Квечер Ханс Юзеф (хирург, университет Франкфурт на Майне), Мейерхофер Фриц Якоб (зубной врач, Мюнхен) [8, с. 157].

После болезни военнопленные для восстановления здоровья попадали в так называемые оздоровительные команды, численностью от 100 до 300 человек, созданные по «Положению об организации оздоровительных команд в лагерях для военнопленных НКВД СССР» [24]. В

оздоровительных командах были предусмотрены улучшенные бытовые условия, усиленное питание и освобождение от работ.

Помимо лазарета и оздоровительной команды, существовала еще и комната отдыха на 12 человек в том же бараке, где расположен лазарет. За месяц там отдыхало около 20 человек. Хотя некоторые предпочитали сразу выйти на работу, ведь нахождение в комнате отдыха не считалось рабочими днями, и за это время не выплачивалась заработная плата. В лазаретном бараке была расположена и аптека.

Эпидемических заболеваний в лагерных отделениях, согласно отчетным документам, зафиксировано не было. Температурящих больных выявляли во время утреннего осмотра и сразу помещали в изолятор. Брошюры по профилактике сыпного тифа были переведены на немецкий язык и развешаны в бараках.

Что касается смертности военнопленных, то, по воспоминаниям самих военнопленных, в первые годы плена умерли очень многие. Но период массовой смертности среди военнопленных в СССР был пройден уже к лету 1943-го, а лагеря на территории Челябинской области в основном появлялись позже. А после 1945 г. смертность составляла уже не более одного-двух человек в месяц, и то не всегда.

Остаются нераскрытыми вопросы, связанные с захоронениями. Согласно акту проверки комиссии, действующей на основании приказа управления лагеря № 337 МВД СССР от 04 апреля 1946 г., «захоронения военнопленных в лагерном отделении № 2 не соответствовали предъявляемым требованиям: кладбище не было огорожено, не было на местности разбивки на квадраты, отсутствовали опознавательные знаки в виде дощечек на могилах – умерших хоронили приблизительно по три человека в одну могилу, в определенные дни месяца. Трупы находились в морге до дня захоронений» [1, с. 29].

В архиве имеется еще один документ на эту же тему – выписка из протокола № 8 заседания исполкома Октябрьского поселкового Совета депутатов трудящихся от 5 марта 1948 г. о том, что лагерные отделения № 25 и № 27 в 1945 г. самовольно заняли под кладбища территорию, не предназначенную для подобных целей, и производят на ней захоронения военнопленных. Решением исполкома предписывалось запретить дальнейшие захоронения на самовольно занятой площади [21].

Однако, несмотря на исследования, проводимые в архивах, никто так и не знает, сколько немецких солдат нашли последний приют в Миас-

се, где находились их кладбища? Человеческие останки находили и на склоне Ильменской горы, и в районе пос. Дачный.

В тех же конъюнктурных обзорах содержится информация о питании военнопленных. В начальный период организации лагерей на территории Челябинской области (т.е. в то время когда еще продолжались военные действия), питание военнопленных не всегда соответствовало нормативам. Но, надо отметить, что в те годы голодала и вся страна. Работающие в тылу советские граждане и члены их семей также испытывали голод, а в лагере, питание хоть и было скудным, но регулярным. В отчетах лагерное начальство указывает как серьезное нарушение, например, на отсутствие сахара в течение месяца и мяса в течение 12 дней! Однако овощи хорошего качества привозили в лагерь постоянно и в полном количестве.

В течение войны нормы питания не раз изменялись в сторону увеличения. Одновременно принимались меры по борьбе с хищениями и по усилению контроля над расходованием продуктов питания. Самым тяжелым по питанию оказался 1947 год после сильнейшей засухи 1946 года. Тогда был снижен суточный рацион и отменены дополнительные виды питания и надбавки (за перевыполнение норм труда).

В зоне имелось два пищеблока. Один для рабочего состава военнопленных, другой для лазарета. Пропускная система пищеблока полностью удовлетворяла потребности лагеря. Питание было трехразовое из двух блюд, в рабочее время пищу отвозили на производство. Кухня была большей частью механизированная – имелись приспособления для рубки мяса, мытья картофеля, резки капусты. Кроме того на территории имелись емкости для квашения капусты по 70 тонн, ледник для хранения летом скоропортящихся продуктов, два овощехранилища, еще и за пределами зоны овощехранилище на 192 тонны. Всего почти на 530 тонн.

А в документах за январь 1948 года упоминается, что на территории зоны уже имелся ларек для продажи военнопленным масла, хлеба, колбасы, папирос и предметов первой необходимости.

К 1949 г. ассортимент продуктов расширился: мука сортовая и обойная, вермишель, консервы, горох, крупа овсяная, гречневая, пшенная, концентрат соевый, картофель, маргарин, масло сливочное, сало топленое, колбаса, молоко, творог, мясо свежее, субпродукты, рыба соленая, морковь, капуста, свекла, брюква, сахар, соль, чай, кофе. Недостач не было, но была иногда замена продуктов. Общий вес суточного пайка

составлял 3451,5 гр. Учитывался и необходимый суточный рацион в калориях. Лаборатории готовили ежемесячно раскладку и проводили анализ калорийности пищи.

Существенную роль в обеспечении военнопленных продуктами питания играли подсобные хозяйства лагерей. В подсобном хозяйстве, которое занимало 152 га, для собственных нужд выращивали картофель (70 га), морковь (7,3 га), свеклу (6,7 га), лук (1 га), капусту позднюю под засолку (5 га), турнепс (5 га), горох (10 га), ячмень (12 га), овес (25 га), гречиху(10 га) [1].

В собственности лагеря находились свинарник, коровник и овчарник, в которых содержались домашние животные: два коня (клички Спокойный и Тупой), корова Шинель, нетель Лизель и телка Маруся, 10 свиней и овцы.

В конъюнктурных обзорах и актах комиссий ГУПВИ всегда рассматривались вопросы обеспечения военнопленных вещевым довольствием. Конечно, в тогдашних условиях обеспечить всем необходимым было просто невозможно: было мало обуви, а из-за отсутствия больших размеров приходилось и в теплое время работать в валенках.

Военнопленным выдавались полотенца, нательное белье, кальсоны, гимнастерки, на портянки шли списанные рубашки. Нательное белье было ветхое, застиранное, учитывая условия труда, чаще всего грязное, несмотря на кипячение (невозможно было отстирать пятна от производственных масел).

В зимнее время контингент обеспечивался фуфайками, шапками-ушанками, валенками, телогрейками, ватными брюками и рукавицами. Но, несмотря на приказ УПВИ МВД, согласно которому военнопленные должны были иметь два комплекта обмундирования, имелся только один, да и тот приходил в абсолютную негодность из-за пропитки производственными маслами.

Немало в фонде и документов, которые носили плановый характер. Планы работы с кадрами включали занятия по боевой и служебной подготовке офицерского и вахтерного состава, беседы с личным составом по политико- просветительской работе, обследование семейно-бытовых условий по необходимости, личные беседы по повышению идейно-политического уровня, и даже организация коллективных походов в кино.

Согласно производственным планам необходимо было ежемесячно проводить производственные совещания с бригадирами и общие

собрания военнопленных по подведению итогов за месяц и планов на будущий; широко использовать антифашистскую работу; развертывать среди военнопленных трудовые соревнования; привлекать антифашистский актив к контролю за работой; популяризировать лучших военнопленных, показывающих рекордные нормы выработки; систематически улучшать бытовые условия и медико-санитарное обслуживание.

Хранятся в архиве и развернутые планы мероприятий по оздоровлению контингента военнопленных, датированные 1947 г. (как уже было сказано выше после засухи 1946 г. питание резко ухудшилось, и, как следствие этого, общее физическое состояние здоровья военнопленных тоже). Предусматривалось строгое соблюдение распорядка дня, качественное приготовление пищи и своевременная ее доставка, обеспечение одеждой и обувью по сезону, выявление больных с определенными заболеваниями, снабжение лекарствами и улучшение питания (поставка свекольной ботвы и листьев капусты), распределение по работам только в соответствии с состоянием здоровья, запрет сверхурочных работ, дезинфекция и улучшение вентиляции в бараках, борьба с клопами, замена матрасов и другие меры.

Другой вид документов – акты, дают оценку условиям содержания военнопленных, питания, охраны и использования их труда членами комиссий из управления лагерей, которые находились в г. Челябинске. По их заключениям выдавались предписания о необходимости обеспечения контингента одеждой, недостающими продуктами питания; а лазарета и аптеки – инструментарием и медикаментами, перевязочным материалом, спиртом, резиновыми перчатками, кетгутом, мебелью, посудой. В актах также содержались сведения о нарушениях, связанных со сверхурочными работами, нерегулярными предоставлениями выходных дней и т.п.

Проверяя режим охраны и безопасности, комиссия ГУПВИ в одном из актов определила, что вооружение и боеприпасы имеются в достаточном количестве, случаев побегов не было, однако при этом комиссия установила и грубое нарушение приказа МВД, а именно – имелось много расконвоированных военнопленных, в результате чего они имели возможность свободного общения с русскими рабочими и местными жителями на производстве и в подкомандировках.

В состав расконвоированного контингента входили: командир батальона, он же старший зоны – 1 чел., командиры рот – 6 чел., командиры взводов, они же бригадиры – 31 чел., произ-

водственный отдел – 2 чел., грузчики, лагерный автотранспорт – 8 чел., шоферы на автомашинах лагеря – 3 чел., зав. кухней лагеря – 1 чел., врач лазарета лагеря – 1 чел., зав. сапожной мастерской – 1 чел., зав. портновской мастерской – 1 чел., антифашистская группа – 3 чел., электрик – 1 чел., зав. столярной мастерской – 1 чел., зав. прачечной – 1 чел., зав. обменным фондом – 1 чел., конюх, кучер – 2 чел., зав. слесарной мастерской – 1 чел., механик гаража – 1 чел., ассенизатор – 1 чел., техник по безопасности – 1 чел., сменные мастера – 9 чел., уход за скотом – 3 чел. Итого 80 человек [3, с. 26-29].

Комиссия сделал вывод, что состояние охраны и режима неудовлетворительное, было предписано запретить выезды в Тыелгу, свободное общение с местным населением, контролировать правильное трудовое использование. В результате весь расконвоированный контингент, кроме лагерной обслуги, был вновь взят под охрану.

Отдельно нужно выделить документы по личному составу – приказы, служебные аттестации, характеристики, докладные записки. Далеко не весь личный состав был безукоризнен, хотя многие и имели высокие правительственные награды за участие в Великой Отечественной войне. Но по результатам аттестации часть штатных сотрудников лагеря были уволены: за хищение, за пьянку, за продажу лагерного имущества и продуктов, за связь с родственниками, которые служили в полиции и т.п.

Приказы касались в основном внутреннего распорядка – запрета выхода военнопленных за пределы зоны без нарукавных нашивок, запрета бесцельного нахождения на территории зоны семей личного состава и других посторонних лиц (в том числе запрет пропуска членов семей личного состава в баню, видимо такие случаи имели место быть). В отношении военнопленных за саботаж в бригаде и систематическое невыполнение нормы выработки – арест на 10 суток.

Один из приказов предусматривал наказание для двух медработников – медсестры Ереминой и фельдшера Новиковой, которые подали заявление в военкомат с просьбой отправить их в действующую армию, не согласовав с руководством лагерного отделения № 6. Одна из них (ей было отказано в связи с имеющимися малолетними детьми) была арестована на двое суток домашнего ареста, а другая (чье заявление было рассмотрено положительно) – на четверо суток гауптвахты. За малейшее нарушение в дальнейшем им уже грозил суд военного трибунала [19].

Помимо приказов в фонде хранятся рапорты и докладные записки: рапорт начальника лагерного отделения П.К. Озерова о перевыполнении военнопленными норм выработки до 206 % с просьбой улучшить условия жизни военнопленных, рапорт о выпечке хлеба и качестве муки, о снятии военнопленных с должностей счетоводов, работников производственного отдела, санстатистиков, зубного техника, и другие.

Среди докладных записок были, например, о том, что жена заместителя начальника лагеря по снабжению продает картофель на базаре, а шоферы военнопленные доставляют ему на дом уголь [20].

Как нарушение рассматривались и факты обращения за помощью к военнопленным врачам со стороны личного состава и членов их семей (в частности, лечение зубов на территории зоны, а не в городской поликлинике).

Часть документов посвящены вопросам проведения праздничных мероприятий – празднованию 1 мая, годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, 8 марта и др. Для обеспечения безопасности проведения праздничных мероприятий начальником миасского ГО МВД издавались приказы о переводе личного состава и пожарной охраны на казарменное положение, усилении охраны военнопленных, проведении тщательного обыска контингента военнопленных, очистке территории лагеря от мусора, наведении образцового порядка на кухне, складах, пекарне, обеспечении лагерного отделения продуктами на праздничные дни, проведении комплексной санобработки и генеральной уборки, проверке средств связи. Также давалось распоряжение проверить расконвоированных военнопленных, и не внушающих доверия законвоировать, запретить вход в зону посторонним лицам, не производить вывод военнопленных за территорию лагеря в праздничные дни, выделить дежурную автомашину. Ну а поскольку праздники носили политический характер – составить план проведения массово-политической работы среди военнопленных и оборудовать здание лагеря лозунгами и флагами.

С 1948 года начался процесс репатриации: в июне 1948 г. убыли по репатриации первые 125 чел., но общая численность военнопленных менялась несущественно за счет прибывающих из других лагерей, так как продолжал остро ощущаться дефицит рабочей силы в СССР. Наличие военнопленных позволяло пополнить трудовые ресурсы. Их можно было сосредоточивать на тех участках и направлениях, для развития

которых потребовались бы значительные затраты, нести которые в тот период страна не могла. Однако произведенное военнопленными составило лишь 7,3 % от общего ущерба, причиненного Советскому Союзу за годы войны.

В фондах музея хранится копия воспоминаний немецких военнопленных о своей жизни в Миассе в 1944-49 гг., переведенная на русский язык и переданная в музей Почетным гражданином г. Миасса Петром Алексеевичем Кузиным [22].

В книге военнопленные вспоминают не только тяжелую работу на строительстве поселка и в цехах автозавода, но и отношение со стороны местных жителей, и курьезные случаи. В День Победы в одном из лагерных отделений проводился концерт, а после концерта один из офицеров велел отвести к нему домой двух малолетних сыновей. Немецкий военнопленный Карл Кернер, отведя мальчиков домой, и, получив в награду рюмку водки, решил прогуляться и заблудился. Дорогой он зашел в дом, где его вновь угостили и показали дорогу к лагерю. И даже вахтер, удивившись его позднему возвращению, не предпринял никаких мер к наказанию, а просто отправил его в барак.

Вспоминают и о стахановском труде, когда военнопленные наравне с русскими рабочими выполняли нормы на 150 и даже 200 процентов и получали за это дополнительное питание. Однако описан случай, когда один из немецких бригадиров, чтобы получить дополнительный паек для своей бригады заранее договорился с кладовщицей, и она выдала ему несколько ящиков готовой продукции. Ударно поработав и добавив спрятанные заранее ящики, бригада показала результат 400 %, от чего изрядно напугались сами, однако нормы им завышать никто не стал.

Вспоминали, что голод заставлял не только воровать, но и убивать. Так один из заключенных вспоминает, как они воровали и забивали скотину у местного населения, и даже собак. А потом ночью варили и ели украденное мясо.

А в одной из краеведческих книг имеются и воспоминания самого Петра Алексеевича Кузина о посещении лагеря военнопленных. «Мы идем на первый концерт в лагерь военнопленных, – писал Петр Алексеевич, – до этого вечера мне не приходилось бывать в лагере, и меня приятно поразила чистота и аккуратность на улице, которая вела от ворот. По обе ее стороны стояли бараки, а перед ними газоны с травой и цветами. Я спросил у жены: «Что, в бараках тоже порядок?». Она

подтвердила, что и там чисто (жена работала в лагере секретарем начальника и, владея немецким языком, иногда переводила). Прежде чем начался концерт, начальник лагеря рассказал нам, как создавался оркестр. Кроме желания Ганса и уверения, что инструменты они сделают сами, ничего не было. Ганса освободили от работы. Прошли месяцы, прежде чем из столярной мастерской начали доноситься звуки. Трудно в это поверить, но пленные своими руками изготовили орган.

Мы обратили внимание на черный ящик, который я вначале принял за пианино, но размером он был намного выше. «И что, он действует?» – спросили мы. «А это вы сейчас услышите», – ответили нам. И концерт начался. Ганс сел за орган и исполнил фугу Баха. Я был поражен. Сейчас трудно вспомнить, какие произведения исполнял оркестр, но что это была музыка Баха, Бетховена, Вебера, Моцарта – я запомнил, как, впрочем, и то, что инструменты, на которых играли музыканты, выглядели как новые» [6, с. 121- 122].

Исследование документов фонда № 33 дало возможность определить, что на территории Миасса находился не один лагерь, а несколько лагерных отделений, которые подчинялись Управлениям лагерей в г. Челябинске. Стало возможно на документальной основе определить их численность, устройство и организацию деятельности, штатный состав.

Изучение жизни, быта и трудовой деятельности военнопленных позволило сделать выводы, что создание системы лагерей было нацелено не на истребление военнопленных (как это происходило в концентрационных лагерях в Германии), а на использование труда военнопленных на производстве, на строительстве промышленных предприятий, жилищном строительстве, и во многих других отраслях в соответствии с уровнем их знаний и квалификации. Так, например, военнопленные с медицинским образованием не только работали в лагерном лазарете, но и были востребованы со стороны местных жителей.

Но главное – документы архива подтверждают, что отношение к военнопленным соответствовало нормам международного права об обращении с военнопленными. Имеющиеся сложности со снабжением продуктами питания и вещевого довольствия вполне объяснимы – после войны страна переживала тяжелый период разрухи и голода. Тем не менее, при условии перевыполнения норм выработки на производстве военнопленным было гарантировано дополнительное питание и улучшение условий проживания.

Что касается особенностей содержания военнопленных в Миасских лагерных отделениях, можно сделать вывод, что они проявлялись только в вопросах трудового использования, а именно в специфике предприятий, где приходилось работать. В остальном начальственный состав руководствовался, как и во всех других лагерях системы ГУПВИ, Положениями, приказами и директивами центральной власти.

Кроме того, нужно отметить, что ни местное население, ни военнопленные не проявляли явно выраженного негатива по отношению друг к другу. Со стороны местных жителей это можно объяснить тем, что Миасс находился в глубоком тылу, и не пережил всех ужасов фашизма на оккупированных территориях.

Со стороны военнопленных положительные воспоминания о пребывании в плену подтверждают не только документы, но и факт послевоенного приезда в Миасс делегации бывших военнопленных. Это случилось после того как делегация УралАЗ, будучи в Германии с деловым визитом, встретилась с ветеранами военнопленными Хайнсом Шумахером и Иозефом Корцером, они высказали желание посетить Миасс. Согласие им было дано, и в середине июля 1993 года бывшие немецкие военнопленные в количестве 25 человек приехали в Миасс.

Они посетили Уральский автомобильный завод, встретились с руководством, осмотрели производственные цеха, отдали дань памяти своим согражданам на мемориале на месте кладбища в районе пос. Восточный, где был установлен сначала деревянный крест, а затем мраморный памятник. Позже рядом установили памятный знак умершим в Миассе военнопленным венграм.

Библиографический список

1. Акты и планы по лагерному отделению № 25 УПВИ УМВД Челябинской области. 1946 год // МБУ «Миасский окружной архив». Ф. 33. Оп. 1. Д. 8.
2. Акты о проверке работы лагерного отделения и планы по трудоиспользованию. 1949 год // МБУ «Миасский окружной архив». Ф. 33. Оп. 1. Д. 28.
3. Акты при смене руководства лагерного отделения № 25. План мероприятий по упорядочению трудового использования воен-

нопленных на 1948 год. Сведения о состоянии трудового фонда военнопленных. 1948 год // МБУ «Миасский окружной архив». Ф. 33. Оп. 1. Д. 19.
4. Дело № 46 рапортов сотрудников лагерного отделения № 25 УПВИ-УМВД. 1947 год // МБУ «Миасский окружной архив». Ф. 33. Оп. 1. Д. 17.
5. История, которой мы не знали: [публикация по версии Яловенко А.Ф.]. – Текст: электронный //Bezформата: [сайт]. – 2019. – 11 января. – URL: https://chelyabinsk.bezformata.com/listnews/istoriya-kotoroj-mi-ne-znali/11863306/ (Дата обращения: 15.09.2022 г.)
6. Кузин, П.А. Пленные музыканты. - Текст: непосредственный // Золотая долина : 220-летию Миасса посвящается / сост. Л.В. Орлова ; худ. В.Н. Каменев. - Челябинск : Челябинский Дом печати, 1993. - С. 121-122.
7. МБУ «Миасский окружной архив». Ф. 29. Оп. 1. Д. 13.
8. Месячные конъюнктурные обзоры по лагерному отделению № 25. Сведения о работе амбулатории и лазарета, сведения о заболеваемости. 1948 год // МБУ «Миасский окружной архив». Ф. 33. Оп. 1. Д. 24.
9. Месячные конъюнктурные обзоры по лагерному отделению № 25. Сведения о работе амбулатории и лазарета, сведения о заболеваемости. 1949 год // МБУ «Миасский окружной архив». Ф. 33. Оп. 1. Д. 35.
10. Месячные отчетные карточки по трудовому использованию военнопленных лагерного отделения № 25. 1948 год // МБУ «Миасский окружной архив». Ф. 33. Оп. 1.Д. 22.
11. Месячные отчеты лагерного отделения № 25 о трудовом использовании военнопленных, о выполнении ими работ, сведения о медицинском обслуживании военнопленных. 1948 год // МБУ «Миасский окружной архив». Ф. 33. Оп. 1. Д. 23.
12. Месячные отчеты лагерного отделения № 25 о трудовом использовании военнопленных, о выполнении ими работ, сведения о медицинском обслуживании военнопленных. 1949 год // МБУ «Миасский окружной архив». Ф. 33. Оп. 1. Д. 34.
13. Месячные планы работ и акты о санитарно-бытовом состоянии лагеря. 1947 год // МБУ «Миасский окружной архив». Ф. 33. Оп. 1. Д. 15.

14. Месячные сводные конъюнктурные обзоры по лагерю № 25 УПВИ Челябинской области. 1946 год // МБУ «Миасский окружной архив». Ф. 33. Оп. 1. Д. 9.
15. Мотревич, В.П. Лагеря ГУПВИ НКВД (МВД) СССР в Челябинской области в 1942 – 1950 гг. (численность и дислокация) // Genesis: исторические исследования. - 2016. - №6. - С. 162-169.
16. Немецкие военнопленные в восстановлении народного хозяйства СССР. 1941–1955. [источник - статья Ружиной И.М. на сайте Музей Победы:] – Текст: электронный // - URL: https://victorymuseum.ru/upload/files/nemeckie_voennoplennye.pdf (дата обращения: 23 .09 2022 г.).
17. Немецкие военнопленные в СССР: малоизвестная страница истории Второй мировой: [источник – публикация Гончарова С. в газете «Зеркало недели»]. – Текст: электронный // amic.ru ИА АМИТЕЛ: [сайт. - URL: https://www.amic.ru/news/234823/ (дата обращения: 23 09 2022 г.).
18. Постановление СНК СССР об утверждении Положения о военнопленных. от 01.07.1941 № 1798-800с. – Текст: электронный // 100(0) ключевых документов по российской и советской истории: [сайт. - URL:https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_ru&dokument=0025_gef&object=translation&l=ru].
19. Приказы по личному составу по лагерному отделению № 25 за 1945-46 годы // МБУ «Миасский окружной архив». Ф. 33. Оп. 1. Д. 2.
20. Прочие документы по личному составу лагерного отделения № 25 УПВИ-УМВД . 1948 год // МБУ «Миасский окружной архив». Ф. 33. Оп. 1. Д. 21.
21. Распоряжения Миасского городского Совета за 1939-1948 годы // МБУ «Миасский окружной архив». Ф. 29. Оп. 2. Д. 1.
22. Рассказы о пережитом в лагере для заключенных 7619. Миасс – Новостройка на Урале, 1944-1949. // МБУ «Городской краеведческий музей» Миасского городского округа. МсКМ, НВ 5072.

Д. А. Ляхов
Государственный архив Хабаровского края, г. Хабаровск

Фонды Государственного архива Хабаровского края о Хабаровском процессе 1949 г.

Аннотация. На сегодняшний день изучение истории судебных процессов над нацистскими и японскими военными преступниками, прошедшими в Нюрнберге, Токио и Хабаровске, является одной из наиболее актуальных тем для отечественных ученых-историков.

В основе исследований указанных вопросов лежит значительная по объему источниковая база, в которую, в первую очередь, входят многочисленные архивные материалы. Фонды Государственного архива Хабаровского края включают документы различного характера, относящиеся к истории Хабаровского процесса и иных проблем, связанных с окончанием Второй мировой войны на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: судебный процесс; Хабаровский край; Дальний Восток; архив; военный преступник; военнопленный; Япония; лагерь; материалы.

Важным источником информации, хранящимся в Государственном архиве Хабаровского края и освещающим детали судебного процесса над японскими военными преступниками, являются «Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия» [1]. Данное издание, вышедшее в свет в 1950 г., включает в себя официальные материалы Хабаровского процесса, среди которых:

- документы предварительного следствия: обвинительное заключение, документальные доказательства и протоколы допросов обвиняемых по основным вопросам, взятые для публикации непосредственно из судебного дела;

- материалы самого судебного разбирательства, в том числе показания и последние слова подсудимых, показания свидетелей, данные во время следствия, заключение судебной экспертизы, речи государственного обвинителя и защиты. Данные материалы были опубликованы согласно официальной стенограмме, составленной в ходе процесса [2].

Одним из ценных источников информации по истории изучаемой проблемы являются материалы периодической печати, освещающей проведение трибунала над японскими военными преступниками. В

подшивках таких газет, как «Тихоокеанская звезда», «Суворовский натиск», «Красное знамя» за период с декабря 1949 г. по январь 1950 г. содержится значительный массив данных, раскрывающих особенности проведения суда. В материалах прессы можно познакомиться с подробностями каждого судебного заседания. Достаточно интересны для исследователей и, как правило, эмоциональные «Заметки из зала суда», подготовленные собственными корреспондентами различных печатных органов [3].

Рассматриваемая проблематика в виду своей высокой актуальности связана с рядом смежных тем, в которых, так или иначе, отражены последствия проигрыша в войне милитаристской Японии. Одна из подобных тем – вопрос о нахождении в 1945-1956 гг. на территории СССР, в том числе на Дальнем Востоке, японских военнопленных и их использование в качестве рабочей силы в различных отраслях экономики.

Фонды Государственного архива Хабаровского края содержат ряд уникальных документов, раскрывающих данную проблематику.

Значительный интерес представляют несколько альбомов, включающих фотографии японских военнопленных и иллюстрации, показывающие особенности их пребывания в СССР:

- фотоальбом, состоящий из фотографий бывших японских военных, сделанные в исправительно-трудовом лагере № 19 УНКВД по Хабаровскому краю, расположенном в г. Райчихинск Амурской области. Главные сюжеты данного источника связаны с проведением идеологических массовых мероприятий и бытовыми условиями, созданными в лагере [4];

- фотоальбомы с фотографическими портретами более чем 120 японских высокопоставленных военных, как правило, в генеральских чинах, и чиновников высокого ранга, сдавшихся в плен в результате поражения японской армии и флота в Северном Китае и на острове Сахалин [5];

- альбом, включающий в себя акварельные рисунки и пояснительные тексты к ним на японском языке, показывающие трудовую деятельность и быт японских военнопленных в одном из исправительно-трудовых лагерей НКВД, расположенном на территории Хабаровского края [6].

В документах, хранящихся в Государственном архиве Хабаровского края, подробно рассматривается положение японских военнопленных, размещаемых с осени 1945 г. в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ)

на территории современного Хабаровского края, а также Амурской, Камчатской, Сахалинской, Еврейской автономной областей, входящих в его состав в анализируемый хронологический период.

В данных архивных материалах внимание уделено значительному комплексу вопросов.

Одними из острейших проблем в деле размещения японских военнопленных на территории Хабаровского края в административных границах на 1945 г. стали:

- недостаточное обеспечение медицинской помощью в условиях лагерного содержания;
- организация борьбы с различными болезнями при острой нехватке медицинского персонала;
- организация в экстренном порядке новых госпиталей, расширение и дооборудование уже действующих;
- подготовка медицинских учреждений, связанных с обслуживанием военнопленных, к работе в круглогодичном режиме [7].

В документах подробно освещаются вопросы, связанные с размещением японских военнопленных в ИТЛ на территории Хабаровского края сразу по их прибытии в сентябре-октябре 1945 г. Среди важнейших проблем в обозначенном контексте показаны:

- неподготовленность к приему контингента основными предприятиями отдельных отраслей промышленности (Наркомлес, Наркомуголь, Наркомстрой);
- замедленное поступление военнопленных из фронтовых лагерей, расположенных на территории Маньчжурии;
- недостаточное развитие транспортной инфраструктуры Хабаровского края (в частности, отмечено отсутствие в нужном количестве плавсредств для перевозки военнопленных в Нижне-Амурскую область);
- проблемы с обеспечением одеждой и продовольствием;
- серьезная нехватка зданий и помещений для переоборудования под размещение людей на территории районов, предназначенных для приема военнопленных [8].

Большой по объему информационный комплекс документов рассказывает об организации работы бывших военнослужащих японской Квантунской армии на предприятиях различных отраслей экономики Хабаровского края: совхозах Амурской области [9], строительном управлении Дальневосточного фронта [10], Троицком [11], Хорском

[12], Оборском [13] леспромхозах, Кивдинском рудоуправлении [14], тресте «Райчихуголь» [15], тресте Хабаровсклес [16] и др.

Отдельное место в архивных документах уделено вопросам, связанным с обеспечением эффективности использования труда японских военнопленных различных лагерных отделений, задействованных на хозяйственных объектах, расположенных на территории Хабаровского края: лагерном отделении комбината «Хабаровскуголь» (Бурейский район) [17]; лагерном отделении треста «Райчихуголь» [18]; строительстве комбината «Хинганолово» (Облучненский район Еврейской автономной области) [19]; строительстве железных дорог по маршрутам Известковая-Ургал, Известковая-Аякит [20]; приисках треста «Приморзолото» [21]; предприятиях Комсомольска-на-Амуре и Комсомольского района [22]; заводах г. Хабаровска [23]; Камчатском госрыбтресте [24]; нефтедобывающих предприятиях объединения «Дальнефть» (г. Оха Сахалинской области) [25] и т.д.

В данных документальных материалах отмечены многочисленные проблемы, связанные с организацией труда военнопленных и созданием для них приемлемых бытовых условий: трудности с оборудованием помещений, нехватка традиционных для японцев продуктов питания, катастрофический недостаток квалифицированного медицинского персонала, серьезная нехватка гужевой силы и фуража для нее и др. [26]

Для исследователей, занимающихся разработкой данной тематики, ценная информация содержится в таких документах, как «Докладная записка о состоянии лагерей НКВД для военнопленных Хабаровского края на 1 января 1946», адресованная секретарю Хабаровского краевого комитета ВКП(б) Р.К. Назарову [27]; служебная записка от 26 сентября 1946 г. врио начальника управления МВД по Хабаровскому краю П. Соколова на имя секретаря Хабаровского краевого комитета ВКП(б) Р.К. Назарова [28].

Данные документы включают в себя обобщенные аналитические материалы о состоянии ИТЛ с японскими военнопленными на территории Хабаровского края и близлежащих территориях с приведением статистики о численности контингента (161294 чел. на 1 января 1946 г.). В них отмечено неудовлетворительное состояние контингента на момент перевозки на территорию СССР (около 70 % больных и ослабленных); указаны причины сложившейся ситуации (отсутствие необходимой одежды, отсутствие медицинского обслуживания, слабое

обеспечение продовольствием); показаны условия размещения и меры, принимаемые для оздоровления контингента, локализации заболеваний и ликвидации повышенной смертности; подробно освещен вопрос о продовольственном снабжении военнопленных традиционными для японцев продуктами (рис, мисо, свежие овощи) [29].

Значительное внимание в аналитических обзорах уделялось бытовому устройству и трудовому использованию японских военнопленных на предприятиях Хабаровского края. При этом отмечались, как положительные, так и отрицательные стороны в приложении к отдельным лагерям и лагерным отделениям [30].

Отдельные архивные документы показывают процесс закрытия ряда лагерных отделений, расположенных на территории Хабаровского края в виду тяжелого климата и, вследствие этого, крайне сложных жилищно-бытовых условий. Так, в сентябре 1946 г. было закрыто Удыльское лагерное отделения № 3 лагеря № 21 МВД, обслуживающего Удыльский прииск треста «Приморзолото» в связи с тем, что оно находилось «в исключительно тяжелых жилищно-бытовых условиях, исключающих всякую возможность для его дальнейшего существования» [31]. В октябре 1946 г. было ликвидировано лагерное отделение № 6 лагеря № 46 МВД (г. Биробиджан Еврейской автономной области) в связи с катастрофической ситуацией по подготовке к зимнему сезону и увеличении количества больных до 40 % от общего количества военнопленных [32]. По различным причинам уже в июле 1946 г. 9000 бывших военнослужащих японской армии из ликвидированных лагерных отделений были переведены в Среднюю Азию [33].

В архивных документах отражен и процесс репатриации японских военнопленных, начавшийся в ноябре 1946 г. из отделений, не подготовленных к зиме (лагеря МВД № 3, № 16, № 19, № 20), в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 14 октября 1946 г. № 2235-921 и приказом МВД СССР от 11 октября 1946 г. № 00916 [34]. На 15 ноября 1946 г. репатриации подлежало 7800 чел. [35]

Таким образом, уникальные документы из фондов Государственного архива Хабаровского края дают возможность ученым осветить многие нюансы, связанные с подготовкой и проведением Хабаровского процесса, а также с изучением многих смежных тем.

Библиографический список

1. ГАХК. НСБ. Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М., 1950.
2. Там же. С. 4.
3. Билим Н.Н. Хабаровский процесс 1949 г. в средствах массовой информации // Шестые архивные научные чтения имени В.И. Чернышевой: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Дальний Восток России: от прошлого к будущему». Хабаровск, 2020. С. 331-332.
4. ГАХК. Ф. Ф-1. Оп. 5. Д. 28.
5. ГАХК. Ф. Ф-1. Оп. 5. Д. 42, 43.
6. ГАХК. Ф. Ф-1. Оп. 5. Д. 40.
7. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1865. Л. 173, 249-251; Оп. 3. Д. 236. Л. 35, 36, 40, 220, 221, 226, 227; Д. 237. Л. 45, 46.
8. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1841. Л. 62, 62об.; Д. 1865. Л. 181-187об.
9. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1865. Л. 261, 262.
10. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1846. Л. 151-153.
11. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1865. Л. 139, 236, 237.
12. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1865. Л. 253-256.
13. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1865. Л. 265-266об.
14. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1865. Л. 176.
15. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1865. Л. 176, 237, 238.
16. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1865. Л. 178, 178об., 180, 180об.
17. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 236. Л. 59, 60.
18. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 236. Л. 69.
19. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 236. Л. 134-138.
20. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1860. Л. 82-85.
21. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 236. Л. 42-49.
22. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 236. Л. 72-73об.
23. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 236. Л. 103.
24. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 236. Л. 122-124; Д. 237. Л. 41-43.
25. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1865. Л. 257.
26. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1860. Л. 82-85.
27. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 236. Л. 1-22.

28. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 237. Л. 47-60.
29. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 236. Л. 1-22.
30. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 237. Л. 51.
31. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 237. Л. 16-18.
32. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 237. Л. 66-68, 75, 76, 135-141.
33. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 236. Л. 177-179.
34. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 237. Л. 90-94.
35. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 237. Л. 93.

И. Н. Демаков
Государственный архив административных органов
Свердловской области, г. Екатеринбург

Картотека интернированных в ГААОСО как источник по истории Великой Отечественной войны

Аннотация. В докладе анализируется состав сведения в отношении интернированных граждан периода Великой Отечественной войны находящиеся на постоянном хранении в Картотеке интернированных в Государственном архиве административных органов Свердловской области (ГААОСО).

Ключевые слова: Великая Отечественная война; ГААОСО; интернированные; картотека интернированных.

Термин «Интернирование» (нем. Internieren), в международном праве принудительное помещение (изоляция) в связи с вооруженным конфликтом воюющей или нейтральной стороной иностранных граждан определенных категорий в спец.места поселения с запрещением покидать их пределы до окончания конфликта [1].

Начиная с 1943 года в Советском Союзе разрабатывались документы о депортации из стран Европы и возможном трудовом использовании гражданского немецкого населения в качестве своего рода репараций трудом. Позднее, в феврале 1945 года «использование германского труда» как одного из трех видов репараций со стороны фашистской Германии было закреплено в Протоколе работы глав трех правительств на Крымской конференции [2, с. 198].

Уже в ноябре 1944 года по указанию Сталина в освобожденные от фашистов районы Восточной Европы были направлены группы оперативных сотрудников НКВД СССР с целью учета находившегося на данной территории лиц немецкого происхождения. Уже к 15 декабря 1944 года было выявлено 551049 граждан немецкой национальности, в том числе в Румынии - 421846, в Югославии - 73572, в Венгрии - 50292, в Чехословакии - 4250, в Болгарии - 1089 человек [2, с. 199-200].

Немецкие интернированные направлялись на работу в основном на предприятия угольной и металлургической промышлен-

ности Украинской ССР. На Урале на 1 января 1946 г. было размещено около 11000 интернированных немцев, в том числе - в Свердловской области 6 рабочих батальонов, 3470 человек, из них мужчины - 45,9%; в Челябинской области - 6 батальонов, 5185 человек; в Молотовской (Пермской) области - 3 батальона, 1946 человек [2, с. 218].

В годы Великой Отечественной войны и после ее окончания большое количество иностранных военнопленных и интернированных граждан содержались в лагерях на территории Среднего Урала. В Свердловской области были дислоцированы 15 лагерей для иностранных военнопленных (№№ 67, 84, 153, 200, 231, 245, 313, 314, 318, 376, 377, 476, 504, 523, 531).

Чаще всего интернированные[1] размещались в лагерях[2] № 231 (Североуральск), № 476 (Свердловск), № 504 (Карпинск), № 523 (Артемовский), № 531 (Верхняя Пышма) [3, с. 362, 369].

По другим данным, на территории Свердловской области в 1942-1956 годы находилось 14 лагерей, 11 отдельных рабочих батальонов и 2 спецгоспиталя для военнопленных и интернированных, через которые прошли свыше 250 тыс. вражеских солдат и офицеров [4, с. 16].

В ГКУСО «Государственный архив административных органов Свердловской области» (ГААОСО) образованном 30 лет назад, летом 1992 года, находится на хранение архивный фонд Р-1 «Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области», являющийся основным фондом, содержащим сведения в отношении интернированных граждан.

В описи 1 вышеуказанного фонда содержатся фильтрационно-трофейные документы военнослужащих, призванных в армию из Свердловской области, пребывавших в плену в концентрационных лагерях в период Великой Отечественной войны, освобожденных и прошедших фильтрационную проверку органами безопасности СМЕРШ.

В описи 2 дел постоянного хранения находятся на хранении архивно-следственные дела на граждан, арестованных и осужденных по ст. 58 УК РСФСР (в редакции 1926 г.), впоследствии реабилитированных.

В описи 3 дел постоянного хранения содержатся учетные карточки интернированных в количестве 810 ед. хр. за период 1945 – 1950 гг.

1 По данным автора настоящей публикации на основе выборочного анализа карточек Картотеки интернированных.

2 В скобках указывается место нахождения Управления лагеря.

Карточки поступили в ГААОСО из Государственного архива Свердловской области (ГАСО) в виде неописанной и неучтенной картотеки. В 1996 году карточки были описаны работниками ГААОСО по национальному признаку и оформлены в дела. Карточки на лиц, интернированных и мобилизованных органами СМЕРШ из стран Европы в конце Великой Отечественной войны составлены по форме № 2 и содержат краткие биографические данные проверяемого лица (фамилия, имя, отчество, пол, год и место рождения, последнее место жительства, национальность, вероисповедание, партийность, подданство (гражданство) – профессия и специальность, образование (общее, специальное, военное). Карточка содержит также номер батальона, роты, лагеря и места содержания в лагере - Свердловская область, дату интернирования,

На обороте указаны номер учетного дела, архивный номер, дата прибытия в батальон, отметки об убытии лица в другой батальон, в лагерь, тюрьму или на родину и указана фамилия сотрудника, заполнившего карточку.

Карточки в описи систематизированы по национальному признаку. Единица хранения состоит из 20-30 карточек, расположенных в алфавитном порядке. Всего в картотеке представлены граждане 36 национальностей. Среди них – американцы, бельгийцы, венгры, евреи, немцы, поляки, русские, украинцы, французы и др.

Небольшая часть из интернированных иностранных граждан впоследствии была арестована за антисоветскую деятельность, архивно-следственные дела в отношении такой категории осужденных также находятся на хранении в ГААОСО.

Картотека – это один из видов вспомогательных (необязательных) справочно-поисковых средств, создаваемых архивным учреждением или поступившим в архив из источников комплектования [5, ст. 39]. Картотека интернированных находящаяся на хранении в ГААОСО не была создана ни архивистами Государственного архива Свердловской области, ни в Государственном архиве административных органов Свердловской области. История попадания картотеки в хранение в ГАСО не выяснена.

Картотека интернированных находится на хранении в первом помещении архивохранилища № 2 ГААОСО и размещается в металлических шкафах для карточек.

Позволю себе начать обзор сведений хранящихся в картотеке. В картотеке хранятся карточки на четырех граждан сербского происхождения, интернированных из Румынии и Югославии [6]. В картотеке имеются 373 карточки на граждан венгерской национальности. В документах венгров часто именуют как - венгер, венгерец. Уроженцы Венгрии с венгерским подданством (гражданством) задерживались в период с ноября 1944 г. по январь 1945 г. и направлялись в лагерь 231, батальон № 1, 2 /1801; батальон 2/1803 и др. Кто-то из венгров отправлен на Родину в октябре 1945 г., многие из интернированных убыли на родину 7 августа 1947 года в лагерь № 36 г. Сигет Румыния эшелоном 98610, такие как Янош Адам Штрауб, 1925 г.р. [7, л. 4]. Сложно понять причину интернирования граждан венгерской национальности, может быть, кого-то подвела немецкая по звучанию фамилия, как например каменщика Иозефа Ференса Шубера, 1912 г.р. [7, л. 7] или мясника Адама Шандора Шульца, 1898 г.р. [7, л. 8]. Встречаются и румынские венгры, такие как жительница города Решица Ирина Георгий Эрзази, 1922 г.р. Д. [7, л. 12].

Граждане немецкой национальности составляют большинство среди общего числа интернированных лиц, находившихся в лагерях Свердловской области. В картотеке числятся более 13000 карточек на немцев.

Среди них немало молодых мужчин и женщин, членов молодежных организаций НСДАП «Гитлерюгенд» и Союза немецких женщин (Bund Deutscher Mädel, BDM), задержанных в январе-марте 1945 года на территории Саксонии, Восточной Пруссии, Румынии. Летом и осенью 1945 г. большая часть интернированных была отправлена на Родину.

В 1945–1946 гг. по линии Наркомата обороны СССР на территории Свердловской области было создано 8 отдельных рабочих батальонов для интернированных немцев (№ 1095, 1099, 1100, 1103, 1105, 1801, 1802, 1803) [8, с. 80].

Эдмунд Ян Яный шедший по учетам как немец (поляк) имел германское гражданство, был интернирован 19 февраля 1945 г. у деревни Батровник. В феврале 1948 г. был переведен на учет военнопленных в лагере № 523. [9, л. 9]. Часть румынских немцев, как например Елена Якоб Яраус, 1921 г.р., была отправлена в 1946 г. в Германию во Франкфурт на Одере [9, л. 10-11]. Другие румынские немцы направлялись на Родину, по документам неизвестно, Румыния это или Германия.

Среди интернированных лиц учтены два гражданина греческой национальности. Василий Павлович Панагиото, 1902 г.р. в июне 1948 г. убыл

в лагерь № 159 г. Одесса [10, л. 1]. Иван Дмитриевич Фрилянго, 1909 г.р. живший до войны в столице Греции городе Афины на ул. Гиппократа, д. № 58 был лишен статуса интернированного лица и поставлен на учет военнопленных в лагере № 523 [10, л. 2].

В картотеке имеется 90 карточек на интернированных граждан чешской национальности. Имеется немалое количество чехов, проживавших на территории Румынии, так называемые банатские чехи. Уроженцы уезда Караш, жители города Решица, чехи румынского гражданства были интернированы в январе 1945 г. и направлены в лагерь № 523. В конце 1945 г. – середине 1946 г. все чехи были направлены на Родину, в Румынию. Выбивается из этого списка граждан чешской национальности Ян Францович Кшиж, 1914 г.р. проживавший до 26 ноября 1943 г. (Так в документе) в повяте Опава в Чехословакии [11, л. 1-2]. Возможно, в дате интернирования кроется какая-то ошибка (описка).

В картотеке сохранилось восемь карточек на шестерых граждан хорватской национальности. В городе Решица Румыния были интернированы отец и сын Виктор Франц Бонца и Иоак Бонца - хорваты по национальности. На обоих составлены по две карточки [12, л. 1-4]. Остальные хорваты были интернированы на территории собственно Югославии. А хорват Милан Плеша, на момент задержания проживал просто «в Австрии в горах, в Карпатах» (Так в документе) [12, л. 6].

Сведения на девятерых граждан итальянской национальности содержатся в 11 карточках. Часть итальянцев была задержана в Восточной Пруссии, часть в Румынии и являлась румынскими гражданами [13].

В январе 1945 г. под г. Прейсиш-Эйлау в Восточной Пруссии был интернирован и направлен на Урал в лагерь № 504 швейцарец Юзеф Альбертович Досселбак, 1916 г.р. В июле 1945 г. Ю. Досселбак был отправлен в Германию [14, л. 1].

В лагере № 523 содержались два гражданина бельгийской национальности. Фердинанд Морицович Боне, 1924 г.р. родился в г. Кент Бельгия, проживал и работал токарем в г. Кенигсберг Восточная Пруссия, был задержан 29 февраля 1945 г.[3] [15, л. 1]. Андрей Оскарович Жиль, родился в 1893 г. в Брюсселе, проживал в г. Радом, был купцом, 16 ноября 1946 года А. Жиль убыл в лагерь № 36 г. Сигет (Румыния) [15, л. 2].

Один из двух болгар, Роман Афонасьевич Беркуце, 1918 г.р. был интернирован при переходе границы 9 сентября 1940 г. (Так в доку-

3 Так в документе. В 1945 г. в феврале было 28 дней.

менте). Дмитрий Герасимович Алюрцита, 1900 г.р. член румынской коммунистической партии, был интернирован в Измаиле. Оба гражданина болгарской национальности убыли летом 1947 г. из лагеря № 523 в лагерь № 176 Фокшаны [16, л. 1-2].

Один из двух молдаван Дмитрий Николаевич Чибота был арестован 8 октября 1940 г. за переход государственной границы СССР и Румынии, содержался в лагере № 523, а в 1947 г. отправлен в лагерь № 176 Фокшаны [17, л. 2].

Голландец Михаель Янович Хохендайк, 1884 г.р. родился в г. Роттердаме, на момент интернирования 12 января 1945 года был помещиком в окрестностях Кенигсберга в Восточной Пруссии [18, л. 1].

Интересна судьба интернированного уроженца города Познань, цыгана по национальности Станислава Юзефовича Хальштейна, 1925 г.р. Станислав Хальштейн был артистом разъездного цирка в течение 11 лет и был задержан в Лодзи 20 ноября 1944 года. После пребывания в лагере № 231 С. Хальштейн убыл 27 июля 1945 года на Родину [19, л. 1].

В картотеке размещены 114 карточек на граждан еврейской национальности. Часть карточек нестандартна, в них появляется графа – «в какой армии противника состоял». Большинство евреев были интернированы из Румынии. Среди них Карл Зигмундович Шварцбах, 1915 г.р. задержанный 20 декабря 1945 года. К. Шварцбах убыл 20 марта 1947 г. в лагерь № 176 Фокшаны [20, л. 3]. Часть евреев была интернирована еще в 1940-1941 годы после вхождения Бессарабии и Северной Буковины в состав Советского Союза. 18 сентября 1940 г. был интернирован житель г. Черновцы бухгалтер по профессии Литман Шерф, 1892 г.р. 2 сентября 1947 г. Л. Шерф был освобожден из лагеря № 523. Где Л. Шерф отбывал заключения после интернирования в 1940-1946 гг. неизвестно [20, л. 4]. Имеются сведения об интернированных гражданах еврейской национальности из Польши и Венгрии.

Поляки составляют вторую по численности группу интернированных согласно данным картотеки, всего более 3000 карточек. Поляки интернировались в конце 1944 г. - в начале 1945 г., содержались в лагерях и были отправлены в Польшу в 1945-1947 гг. Уроженец и житель города Бяла Краковского воеводства Рудольф Рудольфович Адамашек, 1927 г.р. был задержан 26 февраля 1945 г. и направлен в лагерь № 523. Возможная причина интерни-

рования - членство Адамашека в союзе гитлеровской молодежи. Уже 20 июля 1945 г. Р. Адамашек убыл в Польшу [21, л. 5].

Среди интернированных имеются представители многих народов Советского Союза. Уроженец деревни Карминюск[4] Чувашской АССР чуваш Помпей Ильич Ильген, 1919 г.р. был задержан в Восточной Пруссии, содержался в лагере № 504, впоследствии выбыл в лагерь № 0305 [22, л. 1].

Проверочно-фильтрационный лагерь № 0305 был расположен в районе города Североуральска. В разные периоды он насчитывал 6 лагерных отделений. В лагере содержались военнослужащие как рядового и сержантского, так и офицерского состава. Всего за все время существования лагеря фильтрацию прошло 10 434 человека, то есть 3,2 % от общего числа узников ПФЛ СССР. Спецконтингент лагеря использовался на Североуральских бокситовых рудниках [23, с. 54].

Татарин Мухусин Умеров, 1923 г.р. уроженец деревни Тище-Козыль Горьковской области был задержан в Восточной Пруссии, содержался в лагере № 504, затем выбыл в лагерь № 0305 [24, л. 1]. Уроженец деревни Шарман Таджикской ССР, таджик Сабир Шерифович Назимов, 1917 г.р. перед задержанием проживал в городе Гройц[5] Польша по улице Древни в доме № 23. Бывший член ВЛКСМ с 1926 по 1941 г. Внеподданный[6]. Интернирован 28 марта 1945 года и доставлен в лагерь № 231, в августе 1945 года убыл в лагерь № 305 [25, л. 1].

Уроженец г. Кутаиси Владимир Антонович Цибадзе, 1898 г.р. имевший польское подданство, был задержан в г. Люблин Польша, содержался в лагере № 476, а в июле 1950 г. направлен в лагерь № 27 г. Красногорск Московской области [26, л. 1].

В картотеке на 16 карточках содержатся сведения о 14 гражданах литовской национальности. Зигмунт Осипович Улазевич, 1896 г.р. жил вне подданства в г. Познань и задержан 8 апреля 1945 г., содержался в лагере № 231, затем в 1946 г. переведен в лагерь № 531 [27, л. 16]. Уроженец Мемельского уезда Литвы Иорг Михайлович Траушис, 1902 г.р. имевший германское гражданство, 26 марта 1949 г. убыл в лагерь № 314, где был переведен из интернированного в статус военнопленного и в качестве военнопленного 17 мая 1949 г. убыл в лагерь № 62. Бывший

4 Так в документе.

5 Возможно, г. Груец или Гроец (польск. Grójec) Польша.

6 Так в документе. Правильно - вне подданства.

почтовый служащий, пенсионер Иозас Антанас Керис, 1892 г.р. живший в годы войны в Каунасе, был задержан 22 марта 1945 г. Содержался в лагере 0305, где и скончался 4 мая 1945 г. [27, л. 9]. На Николая Карловича Дидаса, 1923 г.р. было составлено целых три карточки. Николай Дидас в 1940-1941 гг. являлся членом ВЛКСМ, интернирован 22 марта 1945 г., неоднократно перемещался из одного лагеря в другой. В 1949 г. убыл в распоряжение МГБ Литовской ССР [27, л. 5-7].

В Восточной Пруссии были задержаны четыре гражданина СССР узбекской национальности. Это Мамай Аерак Ахмедов, 1917 г.р., Исмонал Саймазаров, 1917 г.р., Ельчибай Хайдаркуль, 1926 г.р. и Махмут Хамидов, 1914 г.р. Трое из них уроженцы Ферганской области и один из Самаркандской области Узбекской ССР. Все четверо узбеков были направлены из лагеря № 504 в лагерь № 0305 [28, л. 1-4].

30 января 1945 г. был интернирован уроженец Еревана Казарос Арменакович Геворкьян, 1921 г.р. В годы Великой Отечественной войны К. Геворкьян содержался в лагере для военнопленных в г. Иновроцлав Польша [29, л. 1].

Уроженец аула № 27 Мышковского района Павлодарской области Казахской ССР казах Адбакер Кашкылбаевич Майкенуп, 1896 г.р. имевший последним местом жительства деревню Нацмен Вознесенского района Новосибирской области. А. Майкенуп был интернирован 22 февраля 1945 г. Место интернирования неизвестно [30, л. 1].

В январе 1945 года были интернированы шестеро граждан Советского Союза азербайджанской национальности. Большая часть из них была задержана в г. Коньский (Так в документе) в январе 1945 г. Возможно, имеется в виду г. Коньске (Конск) в Польше. Все интернированные азербайджанцы впоследствии выбыли в лагерь № 0305 [31].

Граждане русской национальности представлены в картотеке 218 карточками. Уроженец Вологодской области Андрей Лукич Генералов, 1918 г.р. был интернирован в Восточной Пруссии, после содержания в лагере № 504 был направлен в лагерь № 0305 [32, л. 2]. Имеются карточки на лиц русского происхождения, граждан Польши, Германии и Румынии.

В карточке на Якуба[7] Никифоровича Гришина, 1894 г.р. имеется информация о его военной службе в дореволюционной русской императорской армии. Якуб Гришин в годы Первой мировой войны с 1915 по 1917 гг. служил прапорщиком в должности артиллерийского наблю-

7 Возможно, имя при рождении - Яков.

дателя 1 корпусного воздухоплавательного отряда 4 артиллерийской бригады и был задержан 20 октября 1944 г. в деревне Паперны. После содержания в лагере № 531 Я. Гришин убыл 16 октября 1947 г. в лагерь № 284 г. Брест, очевидно для отправки в Польшу [32, л. 15]. Белорусы представлены среди интернированных как гражданами Советского Союза, так и гражданами других государств, в основном Польши. Белорусы, граждане СССР, задерживались в Восточной Пруссии, а польские граждане в Польше. Степан Мартынович Качман родился в 1917 г. во Владивостоке, с 1930 г. проживал в Польше. Был задержан 19 февраля 1945 г. в Лодзи, где он работал бухгалтером текстильной фабрики «Видзевская мануфактура». В октябре 1947 г. С.М. Качман был осужден за участие в деятельности «Белорусского комитета» на 5 лет ИТЛ [33, л. 6-9]. После отбытия наказания С.М. Качман , 23 февраля 1950 г. убыл в лагерь № 27 г. Красногорск [34, л. 15]. Иосиф Казимирович Каспер был задержан в феврале 1945 г. в г. Вацлавек Польша, а уже спустя полгода, в октябре 1945 г. И. Каспер убыл на Родину в Германию (Так в документе). Д. 782. [34, л. 14].

На граждан украинской национальности в картотеке содержится 284 карточки. Большинство украинцев проживали на территории Польши и были задержаны летом-осенью 1944 года. Житель Люблинской области Лука Карлович Бида, 1896 г.р. содержался в лагере № 523, перемещался в лагеря № 531 и 314, а 10 ноября 1949 года направлен в лагерь № 27 в г. Красногорск Московской области [35, л. 2]. Встречаются также и граждане Румынии. Житель города Черновцы повар Рудольф Ильич Бойчук, 1919 г.р. прибыл в лагерь № 523 20 декабря 1945 г. 5 октября 1946 г. Р. Бойчук убыл в спецгоспиталь № 3888 ст. Сючинская[8] [35, л. 6]. По другим данным, спецгоспиталь № 3888 размещался в г. Можга Удмуртской АССР [36, с. 193].

Крайне скудно содержание карточки интернированного, польского гражданина Ивана Михайловича Бондаревского, 1920 г.р. Поступивший в лагерь № 523 И. Бондаревский позднее был передан на учет военнопленных. Ни одной даты на карточке не было обозначено [35, л. 7]. Немалое количество интернированных украинцев направлялось после содержания в лагерях вблизи Свердловска в лагерь № 0305 на север Свердловской области. Среди них - Иван Федорович Бондаренко [35, л. 9], Сергей Григорьевич Борысюк, 1922 г.р. [35, л. 11], Мойсей[9] Степанович Боярко, 1889 г.р. [35, л. 13] и др.

8 Так в документе.

9 Так в документе. Возможно - Моисей.

Интернированный в Познани, имевший германское подданство Василий Афанасьевич Бондаренко содержался в лагере № 231, откуда убыл 18 декабря 1947 г. в тюрьму № 1 г. Свердловска [35, л. 8]. Василий Бондаренко, 1896 г.р. работавший до интернирования фотографом в фотоателье в городе Познань, был арестован 24 декабря 1947 г. и осужден к 10 годам ИТЛ по ст. 58-3 – за сношения в к/р целях с иностранным государством, 58-11 – за участие в контрреволюционной организации. В.А. Бондаренко в 1920 г. ушел с бандами Петлюры и Деникина в Польшу, был членом украинской организации «Громада» [37, л. 6-10].

В заключении можно отметить, что картотека интернированных содержит краткую информацию о гражданских лицах из стран Восточной и Юго-Восточной Европы, задержанных органами советской контрразведки в период с осени 1944 г. - весны 1945 г. и размещенных в лагерях в Свердловской области. По примерным оценкам, всего в картотеке содержатся сведения на более чем 17000 интернированных граждан. Основными местами проживания интернированных согласно сведениям из картотеки являются Румыния, Польша, Восточная Пруссия.

Одним из недостатков картотеки является искажение собственных имен и фамилий интернированных, русификация имен, например, вместо Андре - Андрей и т. п., неправильное написание географических названий и т.д. В части карточек имеется затухающий текст, не позволяющий получить полную информации о человеке.

Работниками архива ведется деятельность по внесению сведений о наличии дел интернированных в Базу «Книга Памяти жертв политических репрессий Свердловской области (Картотека реабилитированных)». Основанием для внесения может послужить запись об убытии интернированного «в КПЗ. г. Реж или в тюрьму г. Свердловска».

Наличие картотеки интернированных в ГААОСО позволяет проводить первичные поисковые мероприятия по розыску сведений в отношении задержанных в годы Великой Отечественной войны гражданских лиц из стран Европы. Картотека содержит только учетную информацию, основная информация, учетные дела интернированных лиц, возможно находятся на хранении в архиве Главного Управления МВД России по Свердловской области.

Создание информационно-поисковой базы данных на основе описи 3 фонда Р-1 «Картотека интернированных» с размещением на сайте архива позволит ввести в научный оборот большой массив данных, улучшить

информационное обеспечение пользователей архивной информации и проводить научные, статистические и демографические исследования.

Библиографический список

1. Интернирование. Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/law/text/2014763 (дата обращения 20.10.2022)
2. Полян П., Не по своей воле...: История и география принудительных миграций в СССР. - М. : О.Г.И. : Мемориал, 2001. - 327 с.
3. Мотревич В.П. Лагеря ГУПВИ и УЛЛП НКВД (МВД) СССР на территории Свердловской области: численность и дислокация / В.П. Мотревич. // Архивы Урала. - 2017. - № 21. 362-373.
4. Суржикова Н.В. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942-1956 гг.) / Н. В. Суржикова. Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2006. 500 с.
5. Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях, утвержденные приказом Федерального архивного агентства от 2 марта 2020 г. № 24.
6. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 789.
7. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 729.
8. Мотревич В.П. Иностранные военнопленные Великой Отечественной войны на Урале: численность, состав, размещение // Пенитенциарная наука. - 2009. - Выпуск № 6. - С. 77-86.
9. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 545.
10. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 795.
11. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 779.
12. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 788.
13. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 786.
14. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 808.
15. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 793.
16. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 794.
17. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 797.
18. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 801.
19. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 806.

20. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777.
21. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 547.
22. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 807.
23. Вертилецкая Е.В. Репатрианты в Свердловской области в 1944 - начале 1950-х гг. : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 : Екатеринбург, 2004. – 243 с.
24. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 805.
25. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 804.
26. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 802.
27. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 785.
28. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 790.
29. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 800.
30. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 803.
31. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 787.
32. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 747.
33. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 41796 (64162).
34. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 782.
35. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 731.
36. Мотревич В. П. Учреждения для военнопленных и интернированных в Удмуртской АССР в 1942-1949 гг.: численность, дислокация, смертность контингента [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2018. № 4 (28). С. 192—204. URL: http://vestospu.ru/archive/2018/articles/16_28_2018.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2018.28.16.
37. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 18884 (19841).

Е. И. Серпионова
кандидат психологических наук, победитель конкурса лучших учителей России, независимый исследователь, г. Москва

Больше, чем подчинение. Стоит ли использовать результаты экспериментов С. Милгрэма как объяснение преступлений нацистов?

Аннотация. В статье проанализированы современные психологические исследования, опровергающие результаты экспериментов Стэнли Милгрэма по подчинению. В частности изучены аргументы, которые обосновывают, что использовать подчинение как универсальный объяснительный принцип Холокоста и других преступлений нацистов нельзя.

Ключевые слова: нацистская Германия; эксперимент Стэнли Милгрэма; критика Милгрэма; подчинение; Холокост; национал-социализм.

В 60-е годы XX века психолог Стэнли Милгрэм на основании результатов своего известного эксперимента по подчинению ввел объяснительный психологический механизм для трагедии Холокоста. Таким механизмом он посчитал повиновение: подчиняясь приказам авторитета людям свойственно наказывать или убивать невинных, а поэтому Холокост мог произойти в любом городе США, чтобы трагедия случилась не обязательны идеология, пропаганда или исторический контекст с уроками и значениями тех событий, которые предшествовали приходу нацистов к власти.

В результате примерно 65% участников эксперимента оказались готовы наказать другого человека почти смертельной дозой электротока. Примечательно, что экспериментатор не угрожал участникам эксперимента расправой над ними или их близкими, а только твердо приказывал продолжать, правда, подчеркивая, что с жертвой ничего смертельного не случится, и уверял, что все происходит под контролем экспериментатора.

Значительная часть научного психологического и исторического сообщества приняла результаты эксперимента Милгрэма как объяснительный механизм трагедии Холокоста (Кристофер Браунинг, Нильс

Кристи и др.). Объяснение Милгрэма рисует образ нацистских палачей как послушных, механически выполняющих приказы лидера, без ненависти или злобы по отношению к своей жертве.

Однако в 2013 году выходит книга австралийской исследовательницы из университета Мельбруна доктора Джины Перри «За шоковой машиной: не рассказанная история печально известных психологических экспериментов Милгрэма» [Perry, 2013], где на основе анализа архивов Милгрэма, хранящихся в архиве Йельского университета, автор обосновала, что Милгрэм умело показал одни данные, утаив другие, учитывая которые нельзя уже воспринимать обнаруженный им феномен как закономерность. На основании проведенного исследования Перри заключила, что Милгрэм просто стремился подогнать результаты под свои идеи о том, что творилось во время Холокоста .«Чем ближе я смотрела на внутреннюю работу эксперимента, — пишет она, — тем более надуманными и неубедительными казались результаты», - сообщила Перри [Чеа, 2013]

В ноябре-октябре 2015 года в солидном зарубежном научном журнале «Теория и психология» выходит семисотстраничный выпуск с броским названием «Отключение машины Милгрэма от сети». Весь том журнала, как пишут авторы, «посвящен решительно критической оценке» экспериментов Милгрэма по послушанию, «ставит под сомнение их актуальность для нашего понимания таких событий, как Холокост» [Theory & Psychology, 2015]. Материалом исследований вновь стали те самые «коробки Милгрэма», хранящееся в Йельском университете. Этот архив, как оказалось, содержит неопубликованные документы Милгрэма: переписку, стенограммы, аудиозаписи, записные книжки, связанные с исследованием послушания. В упомянутом архиве обнаружены неопубликованные материалы, которые делают общеизвестный результат не таким шокирующим и обоснованным. Например, в архивах обнаружили факты, что среди участников оказались люди, которые усомнились в реальности экспериментальной ситуации, а некоторые участники, разгадав замысел исследователей, подыграли. Любопытны и рефлексии самого Милгрэма. Так, в своей записной книжке, посвященной эксперименту, он задавался вопросом, действительно ли исследование послушания было «значительной наукой» или просто «эффективным театром» — убедительной демонстрацией способности психологии обманывать ничего не подозревающих людей [Theory & Psychology, 2015].

Итак, авторы вышеупомянутого сборника предлагают читателям «отключиться» от привычных выводов Милгрэма. Анализ сборника статей позволяет сгруппировать критику в несколько блоков. Обозначим их, но в этой статье остановимся подробно только на последнем.

1. Этическая сторона эксперимента (постэкспериментальное психологическое состояние участников). Вопреки утверждению Милгрэма, что испытуемые эксперимента пережили только «моментальное возбуждение», а не дистресс, последующий анализ архивов Милгрэма и интервью с участниками, которые провела Дж.Перри, показали, что участие в эксперименте нанесло устойчивую психологическую травму многим. Участники чувствовали себя травмированными неделю или больше, были участники, пережившие сердечный приступ, один человек рассказал, как после экспериментов стал читать некрологи в местных газетах, поскольку переживал за судьбу человека, которого, как он верил, пытали током. Многих из них до сих пор преследует чувство вины за то, что они сделали. Т.о., участники исследования испытали муки совести и длительно переживали вину.

2. Искажение результатов исследования. Джина Перри, когда анализировала архив Милгрэма, сосредоточилась на реакциях и переживаниях испытуемых, для этого она проанализировала около семисот постэкспериментальных опросников, нашла участников эксперимента для личной беседы и выяснила следующее. Во-первых, многие участники раскрыли подвох экспериментаторов и догадались, что ученик подставной и никакой боли не испытывает. Так, например, один из участников, чтобы убедиться, что ученик симулирует вместо того, чтобы нажать на больший уровень тока, нажал на самый маленький, а ученик выдал сценарную реакцию, словно его поразил сильнейший разряд. Именно в этой группе догадавшихся процент тех, кто дошел до максимального разряда был наиболее высоким. Эти люди подыграли эксперименту, зная, что ничего страшного с учеником не произойдет. Во-вторых, вариантов эксперимента было 24, а участников более тысячи человек. Каждый вариант опыта имел свой собственный сценарий. Однако Милгрэм свел единую статистику и сделал известные миру выводы только для сорока человек.

3. Нарушения научной стандартизации. Анализ аудиозаписей эксперимента показал нарушение процедуры эксперимента. Например, из записей экспериментов было слышно, как профессор , который должен в ответ на сопротивление учителя твердо говорить толь-

ко 4 фразы «Продолжайте», «Все идет по плану», «С этим человеком ничего не случится» и пр, начал вольничать и давил гораздо сильнее, он говорил: «Это нужно науке», «Вы помогаете ученым». Психолог Аллан Фенигштейн утверждает, что природа власти и отношение подчиненного к этой власти заметно отличались у нацистов и участников эксперимента. Кому же, на самом деле, подчинялись участники эксперимента? Ученому из уважаемого университета. Почему они ему подчинялись? Потому что помочь науке считается очень благим делом. Каков характер носило это подчинение? Добровольный на основе уважения к науке, от которой не ждешь подвоха. Злую шутку сыграл и сам образ ученого. «Принуждение подчиняться авторитету в исследовании Милгрэма проистекало не из какой-либо власти экспериментатора вознаграждать или наказывать участника, а скорее из «законного» положения экспериментатора как эксперта-ученого, который априори вызывает доверие» [Фенигштейн, С. 585] Последнее очень важно, так как нам представляется, что ученый морально чувствителен к ученику, мы наделяем ученых положительными характеристиками, нам трудно ожидать от ученого подвоха или вреда. Более того принять участие в научном эксперименте и помочь считается благородным и достойным делом, если не поводом для гордости. Не удивительно, что при избыточной апелляции к этому мотиву «помочь ученым благородное дело», некоторые участники уступали.

4. Аргументы против подчинения как объяснительного принципа Холокоста. Для данной статьи этот блок критики главный, и мы рассмотрим далее некоторые (не все) аргументы, которые не позволяют рассматривать Холокост как результат банального подчинения. Ключевые статьи, на мой взгляд, которые раскрывают основные аргументы, две: статья Аллана Фенигштейна «Шоковые эксперименты Милгрэма и нацистские преступники: противоположный взгляд на роль давления механизма повиновения во время Холокоста» и текст Джорджа Мастрояни «Механизм повиновения в перспективе: Психология и Холокост». На них мы и остановимся.

Почему нельзя рассматривать теорию Милгрэма как объясняющую Холокост. Анализ некоторых аргументов.

В первую очередь необходимо проанализировать наличие/ отсутствие моральных мучений до, во время и после действий, причиняющих вред другому человеку. Напомним, что Милгрэм понимал свою лабораторную ситуацию как «дилемму, возникающую из-за конфликта между совестью и давлением авторитета». Именно совесть принципиально необходимое условие, она сопротивляется тому, чтобы причинить вред невиновному человеку. Милгрэм полагал, что нацистские преступники переживали конфликт между совестью и приказами власти. Таким образом, в центре критики Милгрэма вопрос о том, были ли у нацистов и у участников эксперимента Милгрэма признаки проявления совести. Под признаками проявления совести в группе участников исследования Милгрэма авторы понимают моральное сопротивление во время эксперимента, рефлексию и оценку своих действий после и мучительные флэшбэки, следующие спустя время после события. Однако доказательств, что нацисты испытывали подобные муки совести, совершая преступления и расправы до сих катастрофически мало. Недостаточно доказательств и свидетельств и того, что бывшие нацисты, которые пережили наказание или избежали его, испытали «отсроченные моральные муки». Однако хватает обратных примеров. Так, в книге Клаудии Кунц «Совесть нацистов» приводятся воспоминания бывшего члена Гитлерюгенда Альфонса Хека, которые наглядно показывают, каким образом формировалась практическая нравственность в национал-социалистическом обществе. «В 1940 году, когда гестапо арестовало его лучшего друга Хайнца и всех прочих евреев в деревне, Альфонсу даже в голову не пришло нечто вроде: «Как ужасно, что они арестовывают евреев». Усвоив знание о «еврейской угрозе», он сказал себе: «Какое несчастье, что Хайнц еврей». Став взрослым, он вспоминал: «Депортацию я воспринимал как должное» [Кунц, С. 26].

В отличие от Альфонаса Хека, членов СС и других нацистов, участники эксперимента Милгрэма, которые думали, что причиняют вред невиновному человеку, испытывали сильное эмоциональное напряжение, душевные страдания, переживали настоящий внутренний конфликт. В исследовании К. Браунинга показано, что среди участников печаль-

но известного 101-го батальона отказались от расправ над населением примерно 10-20% немцев. Однако важно не то, что они отказались, а важно, почему отказались, каковы были мотивы и как они осознавались спустя время. Оказалось, что в своих показаниях, данных через 20–25 лет после случившегося, а это достаточно время для рефлексии, те, кто прекратил стрельбу… в подавляющем большинстве ссылались на чистое естественное физиологическое отвращение в качестве основного мотива, но не выражали никаких этических принципов вслед за этим отвращением [Фенигштейн, С. 591].

Нацистов, в отличие от участников Йельского эксперимента, отличала легкость включения в расправы без приказа. Это не просто легкость, с которой обычные солдаты присоединялись к убийствам мирных евреев, часто их поступок сопровождался энтузиазмом. Они вызывались добровольцами без прямых приказов и практически никогда не выступали против моральных соображений. В контексте отсутствия морального отклика, но наличия убежденности в правильности своих действий красноречиво письмо из оккупированного Харькова, которое написал своей сестре в Германию немецкий солдат, 26-летний садовник Anton Böhrer. Процитируем письмо в переводе историка из Германии Ксении Чепиковой.

21 декабря 1941: «Здесь до 19 числа все евреи должны были покинуть город и отправиться в специально отведенную им промышленную зону за городом. 24 000 штук [прим: не «человек»!] – прекрасное число. Все они проходили мимо нас, и я хотел бы, чтобы вы тоже однажды это увидели. Жалкий, завшивевший, грязный сброд. Многие околели еще по дороге к новому месту жительства, но это ничего страшного, ведь эти свиньи виновны во многих бедах уже во время оккупации».

25 декабря 1941 (Рождество): «Еще я сделал отличные фотографии сгоревших гостиниц в Харькове. Евреи успешно переселились. Украинское население очень этому радо, потому что стрельба по ночам теперь все-таки уменьшилась. Множество из этих евреев, конечно, так и не достигли предписанного барачного лагеря и погибли уже по дороге. Из-за этого сброда вся война, так что хорошо, что они теперь будут заперты и погибнут сами по себе. Сэкономим пули и меньше работы снабженцам. В этот смысле нельзя иметь никакой жалости и сострадания. Я хотел только, чтобы вы увидели все эти фигуры. В настоящее время [местные] ходят забивают собак, которые раньше сильно лаяли

по ночам, чтобы их съесть, потому что кто не работает [прим: видимо, на немцев?], тот не получает никакой еды, что очень правильно для этих ленивых подонков, которые иначе так бы и валялись на теплой печи».

В процитированных фрагментах писем нет ни единого признака морального сопротивления или признаков мук совести. Напротив, содержание иллюстрирует конкретное отношение к местному населению: евреев называют «жалким сбродом», не заслуживающим даже траты денег на пули, автор цинично выражает желание, чтобы его близкие тоже увидели человеческие страдания, а местное украинское население он называет «ленивыми подонками». Ни о каком этическом сопротивлении речи нет.

Ничего подобного не наблюдалось среди участников эксперимента Милгрэма. Некоторые из них переживали спустя время болезненные возвращения воспоминаний об эксперименте (флэшбэки). Описан случай, когда эти мучительные флэшбэки привели участника эксперимента к сердечному приступу. Дж. Перри, Мастроянии и А. Фенигштейну удалось показать, что на самом деле участники эксперимента Милгрэма оказывали сильное сопротивление экспериментатору, задавали вопросы, проявляли нерешительность, колебались в ответ на инструкции. Словом, люди проявляли активное моральное сопротивление, а поведение с четким и «абсолютным» повиновением власти без вспышек совести оказалось гораздо более редким, нежели мы сегодня знаем из классических учебников по социальной психологии. И, пожалуй, более редким, чем нам удобно было бы сегодня думать.

Кроме того, по мнению, А. Фенигштейна обязательно нужно принять во внимание идеологический фактор нацистского периода, качественную и систематическую подготовку мировоззрения нацистского общества: «Учитывая мощную идеологическую обработку, готовящую нацистов, упорядоченность и эффективность процесса убийства в лагерях смерти, маловероятно, что нацистские преступники испытывали какую-либо неуверенность в отношении своих действий, совершая жестокие убийства» [Фенигштейн, С. 584]. Подставные «ученики» в эксперименте Милгрэма ничего не сделали «учителям», их не за что было презирать, считать виновными или, тем более, воспринимать как людей низшего сорта. Однако нацисты воспитывали общество именно так: евреи и славяне представлялись в пропаганде недочеловеками. Таким образом, наличие или отсутствие предубежденности *в отношении к*

жертве — это тоже принципиальное различие между Холокостом и экспериментальной ситуацией Милгрэма. Участники эксперимента не были заранее негативно настроены к тому, кого будут «наказывать» током. Ничего не было сделано, чтобы взрастить предубеждение (термин в понимании Оллпорта) так, чтобы оно перешло на стадию причинения физического вреда. В нацистской Германии будущие жертвы заранее и осознанно систематически расчеловечивались. Обесценивание позволило многим немцам ментально перестать воспринимать евреев людьми, достойными жизни. Это подготовило морально нацистских преступников не только к принятию и реализации преступных замыслов, но и, возможно, даже к приветствию издевательств, как нравственно оправданных, как внесение своего вклада в «очищение немецкой крови» на благо Германии. Как полагает Аллан Фенигштейн «эксцессы грубой и бессмысленной жестокости нацистов и энтузиазм, проявленный ими в процессе убийств, совершенно несовместимы с поведением участников эксперимента Милгрэма и с концепцией почтительного, но бесчувственного повиновения приказам начальства» [Фенигштейн, С. 581].

В итоге именно поэтому многие нацисты не просто совершали преступления, но и были рады участвовать. Но такой убежденности, а точнее предубежденности в моральной правильности своих действий не было у участников эксперимента Милгрэма. Эти люди выражали естественные сомнения как во время эксперимента, так и после него. Участники ощущали вину, а некоторых настиг сердечный приступ от страха, что они нанесли человеку вред или даже могли кого-то убить.

Таким образом, если нацистские преступники были заранее готовы видеть в евреях и славянах ненавистных врагов, серьезно угрожающих их образу жизни, то спланированные массовые убийства, совершенные нацистами, более чем сомнительно объяснять «простым выполнением приказов». За этими приказами стояло нечто большее – ощущение морального права совершать эти убийства.

Итак, сравнивать поведение нацистов, убежденных в своей правоте, более того, намеренно подготовленных к этой убежденности относительно евреев и славян, а потому не испытывающих в моменты убийств мук совести и участников эксперимента Милгрэма, которые проявляли активное моральное сопротивление, не корректно.

Игнорирование исторического контекста, переоценка ситуанистского психологического подхода. Милгрэм на полвека показал психологам, что исторический контекст стоит игнорировать, а роль идеологии и предубеждений можно преуменьшить — ситуация - все, идеи и убеждения - ничто. Возможно, что отсутствие у профессиональных психологов того времени подробных фактологических знаний о Холокосте объясняет, почему много специалистов приняли ситуанистскую трактовку трагедии. «Многие люди, в том числе и сами психологи, имеют лишь самое поверхностное знакомство с подробностями того, что на самом деле происходило во времена Холокоста. Психологи перестали учитывать, что конкретное ситуационное давление может не иметь одинаковых результатов в различном историческом, культурном, экономическом или политическом контексте, учитывать, что культурные, исторические и идеологические различия между обществами или группами людей могут быть важнее сходства ситуаций?» [Мастроянни, С. 660]

На мой взгляд, и сегодня проблема избыточной самоуверенности психологии в области объяснения человеческого поведения в период Второй мировой войны не преодолена — доступ к архивным документальным данным, которые были прежде закрыты, приводит к интересным открытиям историков, а вовсе не психологов, замкнутых внутри своей науки и практики и, что логично, значительно менее осведомленных исторически. В результате именно историки обнаруживают различные феномены человеческого поведения, описывают их и задают на страницах своих книг вопросы нам, психологам, в надежде, что получат объяснение: «Почему получилось, что человек стал на это способен?»

Однако монопричинная психологическая объяснительная парадигма, которая пренебрегает необходимостью быть исторически осведомленным, обесценивает экономическую и политическую ситуацию времени, рано или поздно окажется не в состоянии охватить в полной мере все разнообразие человеческих мотивов, которые, как выяснили исследователи-историки, не исчерпывается только идеологической ненавистью или подчинением. Человеческие мотивы гораздо сложнее, нам сложно признать, что большинство нацистских преступников искренне верили в правильность того, что они делали. Мастроянни и Фенигштейн полагают, что нацисты были бы готовы, а возможно, даже стремились бы убивать евреев при отсутствии прямого приказа сделать это.

Аналогичную точку зрения разделяет британский историк Лоуренс Лис: «Принцип «служения фюреру и его великой идее» лег в основу удивительной политической системы, опиравшейся не на тех, кто был у власти и раздавал приказы, а на тех, кто находился в самом низу этой иерархии и действовал по собственной инициативе <…> И это сводит на нет оправдания, которыми объясняют свое поведение некоторые нацисты, утверждая, что «выполняли приказы». В действительности, они сами отдавали себе приказы в духе того, как им казалось, от них требовали» [Рис, С. 65-66]. В доказательство автор приводит следующий факт: только 10% политических преступлений в Вюрцбурге с 1933 по 1945 год были раскрыты непосредственно сотрудниками гестапо, еще 10% передавались в гестапо полицией или членами партии, а остальные 80% были раскрыты обычными гражданами, рядовыми доносчиками. Эти люди даже не состояли в НСДАП. Таким образом, никто не заставлял доносить, делает вывод Рис, но всегда находился человек, не состоявший в партии, но считавший своим долгом добровольно сделать это.

Таким образом, концепция банального подчинения авторитету не находит подтверждение в приведенных примерах.

Известность результата действий. Участники эксперимента понимали что экспериментатор осуществляет надзор над ходом испытания, дает обещания, что жертва не получит непоправимого вреда жизни и здоровью. Он не позволит участнику эксперимента совершить опасные или вредные действия. Нацистские преступники точно знали, что убивают своих жертв. Последствия были им не просто известны, они именно к ним и стремились. Целью было истребление, и они знали о ней. Именно для цели уничтожения и были разработаны программы эвтаназии, стерилизации населения, лагеря смерти и гетто. У нацистских преступников не было оснований заботиться о благополучии жертв и сохранении их жизней, эти жизни оказывались только временно экономически полезны. Напротив, в экспериментах Милгрэма участников убеждали, что ничего непоправимого не произойдет. Нацистские же убийцы работали не в условиях эксперимента. Это была реальность, а не искусственно созданная ситуация в контексте которой ожидали благоприятный исход. Им не нужно было догадываться о том, что было на самом деле, нацисты точно знали, что делали.

Итак, подведем некоторые итоги. Согласно пониманию Дж. Перри и др, Милгрэм хотел сказать свое слово в модной тогда дискуссии об Эйхмане, о том, что произошло в нацистской Германии, а потому предпочел умолчать о тех деталях, которые шли вразрез с его идеями о человеческой покорности, тем более такие важные «детали» как исторический контекст, идеологическая обработка и т.д.

Более правдоподобное, актуальное и обоснованное объяснение, которое разделяют Дж. Мастроянни и А. Фенигштейн, заключается на сегодня в том, что многие из тех, кто совершал убийства, считали происходящее справедливым и даже абсолютно необходимым. Этот взгляд помогает прояснить те моменты, когда убийства происходили с особой ненавистью, изощренностью и радостью даже при отсутствии приказа сделать это. Часто исполнители делали это с чувством нескрываемого удовольствия и бравады, которые явно противоречили наличию каких-либо моральных мучений.

Но вопрос я хочу поставить в конце статьи не о том, какая из существующих психологических концепций права, а которая ошибается. Поставить хочу его иначе: а для чего нам так нужен ответ в виде простого универсального объясняющего психологического механизма? Вижу причину в том, что жить в тревоге неизвестности и неопределенности, на что человек способен, трудно. Тревожно жить с незнанием самого себя. Поэтому объясняющий насилие и, желательно, монопричинный психологический механизм таит надежду на обнаружение противоядия. Но это иллюзия.

Мультипричинность гораздо более сложна, но правдоподобнее описывает человека, учитывает не только связанность ситуативных причин и внутренних побудительных механизмов, но и открыта противоречивости человеческих мотивов. Попытка обнаружить единый психологический объяснительный механизм — это отражение тревоги неопределенности, которая присуща каждому человеку.

Признать разнообразие мотивов нацистских преступников сложно еще и потому, что многие из этих мотивов естественны и знакомы нам самим. Очень точно об этом пишет историк Арон Шнеер: «Одни играли главные роли, это были идеологические антисемиты, другие играли второстепенные роли и были ведомы честолюбием, корыстью или еще более низменными мотивами. Конечно же, были и те немецкие солдаты,

которые действительно просто подчинялись приказам начальства.<…> Другие в немецкой оккупации увидели возможность свести личные счеты как со своими личными обидчиками, так и с самой советской властью. Месть, зависть, неприязнь слились воедино и реализовались в желании навредить, вплоть до уничтожения объекта неприязни» [Шнеер, С. 430].

Монопричинность популярнее, потому что переносит ответственность, есть кого или что обвинить, многие из нас хотят верить в то, что существует оправдание для многих наших постыдных поступков. Это обеспечивает стабильную популярность ситуанистских концепций. Ситуационистский аргумент применительно к объяснению Холокоста стоит том, что обычные люди становятся массовыми убийцами, потому что они оказываются в таких обстоятельствах, которые подрывают их способность к индивидуальному моральному осуждению или действовать в соответствии с ним. Мультипричинность принимается с трудом, она завоевывает внимание только тех, кто готов всматриваться в бездну себя, потому что придется признать, что я такой же как и все — наполнен предубеждениями и скор на то, чтобы сделать легкие выводы. Однако признание своей обычности и подверженности человеческим слабостям и заблуждениям противоречит современной моде быть «оригинальной снежинкой».

Библиографический список

1. Кунц К. Совесть нацистов. Ладомир, Москва, 2007
2. Мастроянни Г. Р. (2015). Послушание в перспективе: психология и Холокост. Теория и психология, 25 (5), 657–669. https://doi.org/10.1177/0959354315608963
3. Фенигштейн А. (2015). Шоковые эксперименты Милгрэма и нацистские преступники: противоположный взгляд на роль давления послушания во время Холокоста. Теория и психология , 25 (5), 581–598. https://doi.org/10.1177/0959354315601904
4. Шнеер А.И. Профессия - смерть. Учебный лагерь СС «Травники». Преступления и возмездие - Москва : Пятый Рим, 2019
5. Böhrer Wm. Anton Письма домой из оккупированного Харькова (перевод историка Ксении Чепиковой, Германия)

6. Perry Gina Behind the Shock Machine. The Untold Story of the Notorious Milgram Psychology Experiments. New York: New Press, 2013 http://www.gina-perry.com/behind-the-shock/about/
7. Shea Christopher Stanley Milgram and the uncertainty of evil The psychologist's famous findings about human nature have haunted us for 50 years. But can we trust them? 29 сентября 2013 https://www.bostonglobe.com/ideas/2013/09/28/stanley-milgram-and-uncertainty-evil/qUjame9xApiKc6evtgQRqN/story.html
8. Theory & Psychology Special Issue: Unplugging the Milgram Machine, 25(5), 2015

Содержание

Пленарное заседание

Приветственные слова участникам Форума

Силин Я. П. Ректор Уральского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор 4

Якушев В. В. Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе 9

Захарова М. В. Директор департамента информации и печати Министерства иностранных дел Российской Федерации. 10

Степашин С. В. Председатель Ассоциации юристов России. 12

Орджоникидзе Г. Э. Ответственный секретарь Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, Советник Министра иностранных дел Российской Федерации 13

Никонов А. К. Директор Федерального государственного бюджетного учреждения культуры и искусства «Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации» Министерства обороны Российской Федерации. 14

Чечунова Е. В. Председатель комитета Законодательного собрания Свердловской области по молодежной политики, развития физической культуры, спорта и туризма. 15

Торкунов А. В. Председатель Ассоциации содействия Организации Объединенных Наций, Ректор МГИМО МИД России 17

Примаков Е. А. Руководитель Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). 18

Козлов В. В. Заместитель Губернатора Свердловской области 19

Выступления

Никонов Е. Л. Заместитель Председателя Правительства Хабаровского края по социальным вопросам 21

Ежов Л. Л. Советник руководителя Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) 23

Кузнецов В. В. Директор Информационного центра Организации Объединенных Наций в Москве 24

Строев В. В. Ректор Государственного университета управления. 28

Сайидзода З. Ш. Генеральный консул Республики Таджикистан в Екатеринбурге 31

Доклады экспертов

Дельмухамедова Д. Н. «Я был в немецком плену…» 34

Клюс И. А. Плен в условиях Великой российской революции 40

Овчинникова А. П. Лагерные отделения немецких военнопленных на территории Миасса в 1944-1949 гг. 52

Ляхов Д. А. Фонды Государственного архива Хабаровского края о Хабаровском процессе 1949 г. 74

Демаков И. Н. Картотека интернированных в ГААОСО как источник по истории Великой Отечественной войны 81

Серпионова Е. И. Больше, чем подчинение. Стоит ли использовать результаты экспериментов С. Милгрэма как объяснение преступлений нацистов? 93

Научное издание

Нюрнберг, Токио, Хабаровск: мировые практики по осуждению нацизма, экстремизма и разжигания межнациональной розни

Материалы Международного форума

(Екатеринбург, 26–28 октября 2022 г.)

Печатается в авторской редакции и без издательской корректуры

Компьютерная верстка *П. С. Рыхлова*

Подписано в печать 22.11.2022.
Формат 60 х 84/16. Уч.-изд. л. 5. Усл. печ. л. 6,27. Печ. л. 6,75.
Заказ 487. Тираж 25 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в
ООО «Типография ДЛЯ ВАС»
620073, Свердловская обл., г. Екатеринбург,
ул. Крестинского, д.37, корп.2, кв. 59
+7-922-222-05-00

Уральский государственный
экономический университет

26–28 октября 2022 г.

г. Екатеринбург